

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МАЙРОН ГОТЛИБ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Майрон Готлиб

Возвращение

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Готлиб М. А.

Возвращение / М. А. Готлиб — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Дни побега от приближающегося фронта Второй мировой вынуждают Дашу из беззащитной девушки превратиться в сильную независимую женщину, способную постоять не только за себя, но и за других, кто нуждается в помощи. Ее будущее предопределено – она не в силах вернуть потерянных близких, но верит, что годы спустя ей представится возможность предотвратить некую трагедию. Осознавая, что ее исключительных умений видеть и понимать людей и события может оказаться недостаточно, она полагается на помощь еще одного человека, по своим способностям не уступающим Дарье – ее сына. Содержит нецензурную брань.

© Готлиб М. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ДОРОГА В ПАМЯТЬ	6
ВАГОН	9
ВСТРЕЧА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Майрон Готлиб

ВОЗВРАЩЕНИЕ

© Myron Gottlieb, 2018

ДОРОГА В ПАМЯТЬ

... сначала в ту, что отчетливо запечатлена на горизонте.

Листья платана посередине двора купаются в горячем солнце. Дерево посадил мой отец в первый день первого класса. Сейчас крона нависает над крышей трехэтажного дома. Весь двор прячется в его нежной тени. От него во все стороны много конечной звездой разлетаются веревки, на которых развешено белье – с высоты третьего этажа всего лишь трепыхающиеся полотна. Смотреть надо снизу. Спускаюсь. Замираю под парусами, наполняющимися ветром и взмывающими в небо. Перехватывает дыхание. Напрягается ожидание. Нет, это не произойдет сегодня. Платан как на поводке надменно удержит паруса, не даст им отправиться в небесное странствие. Но никто не знает, что его высокомерие обманчиво, он сам тайно готовится к полету.

Голые веревки я не люблю. Эти ненавистные оковы на шее платана удерживают его от полета. Своим взлохмаченным видом они предостерегают – в некое утро, когда дерево расправит крылья, они выполнят свое предназначение – вцепятся в него мертвой хваткой, не дадут свершиться полету. Чтобы противостоять слабеньким крылышкам, достаточно и одной веревки, но их много, значит, крылья ожидаются мощными. Я готов к такому развитию событий. Недалеко под камнем спрятано удачно найденное лезвие.

Но этого недостаточно. Надо найти способ добраться до веревок, чтобы в нужный момент освободить платан в полет. Сделать это не просто – я лишен роста, опыта и достаточно высокой подставки. Пришлось поделиться с Илаем – старшим меня на три года братом. Он мгновенно находит решение. «Взберешься мне на плечи», – и настаивает проверить прямо сейчас. Не дожидаясь моего согласия, приседает на колени, выставляет вперед второе, на которое поднимает меня и оттуда подбрасывает на плечи. Воспоминание об этом первом полете в жизни дух захватывающее: взмываю вверх. Легко, невесомо. Одновременно и он поднимается на ноги. Еще один полет – естественное продолжение первого. Это уже не попытка освободить платан в полет, а освободиться в полет вместе с ним. Неожиданно я становлюсь высотой с листья и с легкостью достаю до веревки. После этого все элементы плана обретают окончательную завершенность. Теперь только бы не упустить правильный момент.

Точное количество веревок я не знал. К тому времени, когда научился считать, дерево срубили по обвинению в том, что оно мешало реконструировать канализацию. Казнили его неумело и мучительно. Отсекали конечности, ответвление за ответвлением, уродуя могучую красоту с каждым отрубанием все больше и больше.

Платан не сопротивлялся, только печально шелестел размашистыми листьями прощальную песню и понуро разбрасывал по двору панцирную чешуйчатую кожу.

Заплечных дел мастера довели уродство дерева до такой степени, что окончательное убиение, по их плану, должно было обрести некоторую эстетическую целесообразность. Искореженный ствол, тяжело раненный, но все еще не побежденный, оставили на ночь страдать своим уродством в мерцании мириад звезд. Но те прикрыли его наготу легкой завесой пушистых облаков, а мне снилось, как за ночь дерево восстановило свою красоту и посрамленные мастера, бессильные уничтожить красоту, отказались повторить прискорбную и позорную работу.

К сожалению, сон не оказался вещим. Поздним утром истязания продолжились. Четыре раза резали торс. Отпиленные части подвешивали к крыше на трех канатах в назидание другим деревьям, а потом медленно опускали на землю и там располосовывали пыточными пилами.

Илай отобрал зеленовато-желтую пластину коры, покрыл ее лаком и повесил на стене у меня в комнате. Рельеф коры в одних местах напоминал ущелья, пролегающие между хреб-

тами гор, в других – крепостные стены, защищающие причудливых форм дома. Когда же стала старше, и мама разрешила пользоваться свечкой, по телу платана радостно заездили малюсенькие кареты и начали бродить озирающиеся по сторонам, следуя мятущемуся свету свечи, крохотные пешеходы.

После обмена платана на канализацию двор наполнился духотой, горячим дыханием асфальта. На мебели в квартирах стала собираться серая пронырливая пыль, а высушенное бельё утратило аромат свежести.

Мама собрала дворовой совет, чтобы получить разрешение Илаю и мне посадить другой платан вместо отцовского. Совет выразил согласие, но управдом воспротивился. Мама все же добилась разрешения на рододендрон, который, не теряя времени, поселился под нашим окном. Когда мы сажали куст, я понял истинную причину того, почему платан так и не взлетел. Корни его разрослись до невообразимых размеров. Весь громадный дом покоился на них. Не обвисшие, местами потертые веревки удерживали дерево на привязи, а его собственные корни, разбредшиеся по всем уголкам двора.

Что для платана тонюсенькие нити веревок? Их он оборвал бы в два счета. Платан был привязан к земле, к дому и к нам всем могучими корнями. Он не мог взлететь один, должен был захватить с собой всё и всех, к чему и к кому прирос. А для этого даже его громадных крыльев было недостаточно.

Знаю, только, он наверняка пытался. Даже после казни корни продолжали пробиваться вверх, к небу, сквозь толстое асфальтовое покрывало, освобождаясь из лона земли и готовясь к полету, не зная, что взлетать уже некому.

Воспоминания о платане всегда были доступны для меня и возвращались до краев наполненные жгучим ощущением печали и радости. Ни отца, ни его платана больше нет, но как далеко, странствуя по миру, я ни удаляюсь от нашего двора, которого тоже уже давно нет, их корни – отца и платана – со мной и они не препятствуют моим полетам.

Другое событие возвращается ко мне смутное и тягостное. Чтобы достичь его приходится перешагнуть горизонт памяти.

Мой разум и чувства лишены ностальгии. Мне не нужна тоска по детству, чтобы ощутить тепло маминой груди, увидеть румянец в форме летящей капли на ее щеке, который впервые увидел в один сумрачный вечер.

Я был ребенком четырех лет – и это мое самое древнее и сокровенное воспоминание о детстве.

Мы оказались с ней на безлюдном пустыре. То ли она безуспешно разыскивала кого-то, то ли заблудилась, возвращаясь от гостей. Поравнялись мы с полностью разрушенным, заросшим крапивой и бурьяном, домом, который был, наверное, последний среди всех развалюх в городе, несколько секунд спустя ставшим первым в моей памяти. Из него выскочила и набросилась на нас, заливаясь лаем, слюнявая плешивая собака с туго поджатым под живот хвостом. Мама схватила меня обеими руками, и я взлетел высоко в воздух, почувствовав на себе горячее излучение ее лица, и увидел румянец в форме летящей капли на ее щеке близко к виску. Так она держала меня какое-то время, и я не слышал, не видел и не чувствовал ничего кроме ее успокаивающих и отнюдь не спокойных «все будет замечательно» румянца на щеках, жара ее тела и тяжелого прерывистого дыхания.

Этот румянец делал ее особенно красивой. Но случался редко, когда, к примеру, Илай или я заболели или еще что-то большое и печальное случилось в ее жизни.

Несколько раз годы спустя я напоминал ей про тот вечер на пустыре, пытаюсь выяснить, что произошло в действительности, что было игрой памяти, и насколько реальность исковеркалась воображением последующих лет. Она не любила говорить об этом, но по тому, как отшучивалась и переводила разговор в смежные пространства, уходя от вопросов, я знал –

это действительно произошло, просто не хочет признаваться и делиться со мной по каким-то своим неизвестным для меня соображениям.

У меня было серьезное доказательство происшедшего. В моей котомочке сподручных мелочей было припрятано средство добиться ее признания, но я никогда не пользовался им, считая недостойным заставить ее выполнить мое желание лишь потому, что располагаю возможностью вынудить ее.

То был глубокий шрам на ее икроножной мышце.

На протяжении многих лет с того дня я исследовал и тренировал память, используя дом с облупившейся побелкой и провалившейся крышей, собаку, нашедшую приют среди гнилых руин. Отчетливо вижу дико разросшийся кустарник вокруг развалин, высокую траву, разбавленную бурьяном и репейником, на подступах к зарослям. Каждый раз, наблюдая привычные или неизведанные пейзажи, едва заметив смутный силуэт, напоминающий первое изображение детства, я мгновенно переношусь в тот изначальный момент отчетливости жизни, чтобы сравнить с образами памяти, еще раз изучить, проверить, усовершенствовать механизм ее защиты от мусора воображения.

Мы помним множество ненужных подробностей – адреса, телефоны, номера автобусов. Для чего? Когда взрослым я вижу грудных младенцев, то сопротивляюсь намерению сердца отождествить свою некогдашнюю принадлежность к этому сообществу, не желая смешивать себя с периодом беспамятства, бесполезности и беспомощности.

То существо, каким был я в момент физического рождения – это не я вовсе. Мгновением моего пришествия в мир стал проблеск памяти на пустыре. Уверен, того дома давно не существует, и я никогда не смогу доподлинно воссоздать самый главный момент жизни – первого знакомства с маминым каплеобразным румянцем. Знаю, это было незаконное рождение памяти, я не был еще готов к нему. Если бы не слюнявая плешивая собака, моя память родилась бы значительно позже. Но жизнь складывается по правилам, нам незнакомым и непонятым, и не всегда справедливым.

Жизнь вспыхивает, вторгается, проносится мимо, опалает огнем, отнимает близких, дарит страсти, омрачает печалью, свершает чудо.

И сохраняет каждый свой узор неповторимым отпечатком в мозаике памяти.

ВАГОН

История Вагона, история пятнадцати дней из ее семнадцатилетней поры поселялась в моей памяти пять лет. Окончательные штрихи к повествованию мама нанесла, когда мне было восемнадцать.

Иной раз малость, добавленная ею к рассказу, не только подмешивала новые краски в палитру, не просто отбрасывала неузнанные или изначально неувиденные тени, не перечерчивала неожиданными контурами уже знакомые события, она напрочь раскалывала аккуратно и, казалось, прочно сложенную мозаику моего понимания. Это вынуждало меня заново порождать ощущения, которые в свою очередь складывали в памяти преобразенные образы и события.

Воспринимала ли она сама одни и те же эпизоды по-разному или это было только кажущееся несоответствие? Подчас я находил несогласие не самих фактов, а их признание моей памятью или же оно преклонило не событиям, узанным от нее, а эпизодам, мной самим и присочиненным, пока домысливал происходящее. Или это была та же самая реальность, что я воспринял годами ранее, но время утоптало ее так глубоко и деформировало в процессе, и возраст мимоходом нанес коррективы, что она воскресла в новую действительность.

После окончания ее повествования события не закристаллизовались во мне в том семнадцатилетнем рафиде¹. У меня и сегодня нет уверенности, что интимно знаком с происшедшим, ибо знаю – завтра буду понимать иначе.

Случилось, в детстве я наблюдал работу уличного художника. Была ли это его обычная техника или он попросту разыгрывал меня – склоняюсь ко второму. С верха картины он легкими, почти танцевальными прискоками опускался к центру, оттуда тяжелой поступью чеканил шаг в сторону, извивался спиралью или зигзагами, или неожиданными прыжками метался по девственным и разрисованным пядям холста.

Цветные точки ниспадали на холст. Мазки укладывались на полотно, едва ласково касаясь друг друга или вступая в страстное единоборство.

Торцовые кляксы обрушивались на холст неравномерно нежданно и незвано. Загогулилки соревновались в изворотливости, крутизне, широте и долготе. Легкие изящные штрихи мертвой хваткой цеплялись за жирные ленивые мазки в отчаянных попытках привлечь внимание к своей утонченной красе.

На недолгий и неторопливый промежуток художник замер. Внезапно и решительно схватил широкую кисть, готовясь к безумию. Заметил это не только я, но и вся мозаика еще не рожденной, но уже живой картины. Страх быть заживо погребенным под ровным толстым слоем неизвестности, может, бесчувственного неба, синего холодного рождающегося, или багровья умирающего дня, парализовал многоцветье холста.

Несколько мгновений раздумий, и художник снисходительно сжалился над своей картиной и чужим незнакомым мной. Ювелирно управляясь большой кистью, на мой взгляд, не предназначенной для закраски махонького пространства в центре полотна, нанес импульс. Я до сих пор противлюсь поверить, что крохотный мазок может до такой степени изменить элегию картины. Восторженно слежу за этой лавиной, обрушившейся на холст, и еще яростнее – в мое зачарованное сознание.

Полное время писания картины составило минут сорок. За пять минут до ее завершения я все еще не имел представления, что именно художник изображает и в некоторый момент

¹ Рафид – игольчатый кристалл, образующийся в клетках некоторых высших растений.

был даже готов к Бальзаковскому Неведомому Шедевр², начиная сомневаться в ясномыслии мастера. С равным успехом изображенное на холсте могло быть уличной толпой или сосновой рощей, лошадиными скачками или битвой под Ватерлоо. Через пять минут картина завершилась в двух альпинистов в связке на вертикали. Я упрямил маму купить картину. Ценность ее для моего детского ума была безмерной.

Изображение на полотне казалось пирамидой. В основании затаились всевозможные тривиальные и немислимые изображения реальных и фантастических форм и цветов, созревших в мозгах гениев и шарлатанов всех времен и культур. Вершиной стало завершенное изображение. На гранях отпечатались следы спирали восхождения к венцу. Все, что мне оставалось – начинить внутренность пирамиды работой мысли, сознания и подсознания художника на пути его подъема от подножия на пустом холсте к ее вершине – законченной картине.

В эскадре моих неумений рисование всегда было и по сей день позорно остается флажманом. Вероятно, поэтому череда глаза-руки-кисть-полотно всегда магически привлекала неудовлетворенное любопытство и ненасытную потребность заполнить вакуум неумения и незнания наблюдением и анализом. Если я не предназначен делать это, то хотя бы знаю, как это делают другие.

В первых эпизодах маминой истории она, семнадцатилетняя, на четыре года взрослее меня, начавшего слушать ее рассказ, была моей старшей сестрой, сильной, бесстрашной, умудренной опытом. С каждым годом по мере моего взросления разница сокращалась, пока окончательно не стерлась. И это уже не она, а я выживал в Вагоне. С того момента, когда я стал старше нее ... той, какой она была в последний день тех событий, она начала превращаться в одинокую, напуганную, незащищенную девочку. И это вызывало во мне жгучую горечь бессилия, которая с годами менялась и никогда не исчезла.

Пять лет в моем мозгу и памяти складывалась пирамида истории Вагона – не картины, а реальной жизни.

Слушая, я не задавал вопросы. Так она инструктировала меня.

«Ты не задаешь вопросы книге, которую читаешь, фильму, который смотришь. Если есть необходимость спросить, обращай к себе. Если желаешь додумывать, не сдерживайся. Будь не слушателем этого повествования, а вместе со мной его творцом».

– Я буду делать в точности, как ты говоришь, но объясни, чем этот рассказ отличен от всех других, почему я всегда могу задавать вопросы, но только не в этот раз, – спросил я

– Это произошло, когда мне было семнадцать. Я не была готова к происходящему тогда, не готова и сейчас. Я не выбирала эту историю. Она выбрала меня. Буду рассказывать тебе ее так, чтобы ты мог понять, но, главное, почувствовать.

Я расскажу историю событий Вагона, не как она складывалась в моем сознании адаптированными и отредактированными лоскутками, а какой она живет во мне сегодня.

Не *история* складывалась в моем сознании, история *складывала* мое сознание.

В июне сорок первого оставался длинный путь, измеряемый не столько годами, сколько жизнями, чтобы она стала моей матерью. Я не могу называть ее мамой в ее семнадцать, когда восемнадцатилетним на год старше нее приметал последние лоскутки событий. Тогда она была просто Дашей, так я и буду называть ее в этом повествовании.

² Неведомый Шедевр – В новелле «Неведомый Шедевр» из серии Философские Этюды Бальзак описывает великого художника Френхофера. Десять лет Френхофер корпит над портретом обнаженной куртизанки Екатерины Леско и никому его не показывает. В эту работу он вложил все свое мастерство, все тайны искусства, которые ему некогда поведал гениальный Мабюз. Френхофер сетует, что не может найти во Франции подходящую модель для того, чтобы завершить работу своей жизни. После некоторых колебаний начинающий художник Пуссен предлагает ему писать обнаженную со своей возлюбленной – Жилетты. Оценив красоту Жилетты, Френхофер принимает предложение, а Пуссен в награду за услугу получает разрешение увидеть его шедевр. На холсте перед ними – абстрактное нагромождение цветовых оттенков. Лишь в углу они с трудом различают фрагмент женской ножки. Очевидно, старик так увлекся деталями, тонкими переливами цвета, что напрочь потерял идею целого.

В первый день войны родители Даши и Ромы – ее тринадцатилетнего брата – были в отъезде где-то вблизи западной границы, что в понимании тех дней означало «оккупированная территория», что в свою очередь исключало всякие иллюзии касательно их судьбы. Даша решила двигаться в Баку, где по ее сведениям жила двоюродная сестра отца, с которой она никогда ранее не встречалась.

Два часа с трудом можно втиснуть в тесно сжатое пространство между решением побега и моментом его исполнения, и по замечанию Ромы, подготовка к побегу была спешно-недопспевшей. В эти два слова, которые при незначительных усилиях можно объединить в одно, включены в избытке растерянность, отчаяние, сомнения с ощутимой нехваткой хладнокровия, опыта, уверенности.

Даше отведена – по ее возрастной привилегии – ответственность за принятие решений. В этой алькове Рома не имел ни шанса, ни желания конкурировать. Поселять же улыбку на ее лице – такую возможность он не упускал никогда, и мало кто мог с ним в этом соперничать. Даже тот момент столкновения и разлома тектонических плит прошлого и будущего не стал исключением.

Даша на мгновение замерла, освобождая в себе и во всем этом нелепом и напрасном мире просвет для улыбки, не уверенная, кто из них нуждался в ней больше.

Не всегда Ромины остроты и каламбуры были удачными, но его собственная реакция на них была превосходным индикатором того, что он не ошибается в оценке собственного остроумия. В случае неудачи он начинал обворожительно смеяться, очевидно, не над шуткой, а над собой. Удержаться, не вступить в смехосговор с ним было немислимо. В обоих случаях он добивался успеха. Участники и зрители репризы раскатывались смехом.

Несколькими днями позже Даша и Рома оказались в восьми-девяти верстах от железнодорожной станции, где надеялись попасть на поезд в направлении Харькова. Непрерывный поток беженцев катился телегами, навьюченными лошадьми, коровами, заржавленными велосипедами, но большей частью самоходом.

Низкое солнце барахталось в горячих языках воздуха, вздымавшихся над горизонтом. Колыхалось, дрожало, меняло неясные очертания, точно мираж в пустыне.

– Во надышали – аж солнца не видать, – тихо-сварливо, осуждающе покачивая головой, возмущался Рома, – не пойму, горе горем, а солнце-то причем? Что они себе думают?

Тем временем солнце поднималось выше, стряхивало с себя расплывчатость и бесформенность, все более обретая подобающую солнцу внешность, растворяло в лучах и тепле утреннюю дымку. Весело беззаботно верещали жаворонки, воспевая серо-желтую степь, раскрывающуюся изумрудными узорами травы, россыпью желтого и красного адониса, мака, клевера на золотом фоне молодых колосьев. Усталая тяжелая степь неожиданно раскрылась в легкую величественную панораму. Необычно синее небо впереди на востоке, чуть бледнее сзади на западе так низко склонилось к земле, что, казалось, трава, привязанная к земле корнями, цеплялась за него своими бархатными стебельками. Не сговариваясь, Даша и Рома остановились, восхищенные и опьяненные пробуждением радости.

Даша осмотрелась – ни одна душа в потоке, их окружающем, не заметила столь очевидных и разительных перемен. Мир разделился на две части. Одна, слепая и глухая, вытянутая вдоль дороги серыми уродливыми щупальцами горя и страха, впивалась в только что рожденную бесконечно древнюю гармонию второй.

Даша поправила платье на рукавах, в талии, расправила складки на бедрах, достала из мешка свежую еще не надетую в дороге белую рубашечку для Ромы, и он, улыбкой одобряя ее план, на ходу переделался. Переглянулись. Довольные собой и друг другом, взяли за руки,

направились в сторону яркого голубого неба и теплого радостного солнца, все еще двигаясь в толпе, но уже ей не принадлежа.

«Всё будет замечательно» – подумала Даша. Кто-то сверху подает им знак – ей и Роме. Она с умилением и пульсирующим комком в горле вспомнила родителей. Знала, отец не пропадет. Если есть один шанс из миллиона, он найдет его, воспользуется, чтобы спасти маму и себя. И точно так же, как она о них, они сейчас думают о ней – она отыщет свой шанс из другого миллиона, чтобы сохранить Рому и себя. Скоро кончится эта дурацкая война, и они опять будут вместе. Надо только осторожно, не делая ошибок, переждать.

«Все перемелется, станет мукдой, что было тоской», – услышала она Рому. Он не шутил. Он знал.

К этому моменту их странствия последние крохи сухарей, взятых из дома, были сметены. Нужно найти питание, чтобы выжить на пути до Харькова. Самое большое богатство, которым брат и сестра не располагали, было время. Раскаты фронта попеременно перекликались с разных сторон, иной раз пробирались даже с юга, но одно было неизменно – грохот войны приближался и становился все более отчетливой реальностью с каждым часом. Для экономии времени Даша оставила Рому у дороги в безопасности на виду у сотен людей, проходящих мимо, а сама припустила в сад, примеченный неподалеку.

Через несколько шагов вернулась обнять и напомнить:

– Без меня ни шагу. Слышал? Повтори.

– Без меня ни шагу. Слышал? – повторил Рома, – Второй закон времени помнишь?

– Какой еще второй закон времени? – сразу не поняла Даша. – Это что-то новое.

– Если никогда не уйдешь, то никогда не вернешься.

– А есть еще и первый? – почему-то спросила Даша.

Знала, надо торопиться, но вопреки здравому смыслу упрямо не двигалась.

– Есть и первый. Но это на второе. На потом, – пояснил он, – когда вернешься. Беги.

Короче расставания – меньше слез.

Он повернул голову к солнцу. Закрыв глаза. Улыбнулся в ожидании чего-то необыкновенно приятного. Открыл глаза. Нарочито удивился.

– Ты еще здесь!? Ну чего дергаешься? Присмотрю я тут за ними. Ничего без тебя не станет. Как шли, так и будут идти. И очередь держать буду. Никто не нахамит «вас тут не стояло» или... – он нахмурился, уперся рукой в бок и хрипло пригрозил, – «вас тут не ходило»

– Не спрашивай, когда вернусь – просто жди, – она перебрала в памяти, все ли сказала, обо всем ли предупредила.

– Хорошо, спрашивать не буду, – нехотя и обиженно надув губы, уступил Рома и вкрадчиво добавил, – а можешь сказать без того, чтобы я спрашивал?

Душная неуютная тишина понуро движущегося людского потока виновато взорвалась смехом. И даже осуждающие взгляды медленно перемещающихся обозников и весь ужас, в который все вокруг были погружены, не могли этому воспрепятствовать.

Даша скорее почувствовала, чем услышала: «Не задерживайся. Я жду тебя»

Побежала... Определенно что-то забыла... «Ну да ладно. Не на час же, в конце концов, расстанемся». Остановилась, обернулась. Рома закрыл глаза, улыбнулся, вспоминая или в ожидании чего-то необыкновенно хорошего, открыл глаза, удивился во второй раз: «Ты все еще здесь?»

Сад не имел ограждений и казался скорее диким, чем заброшенным. Даша разглядела несколько абрикосовых деревьев в центре сада. Выбирай ствол повыше, ветки потолще да потяжелее. Тяни, трясни. Взбирайся, как по лестнице. Раздолье, да и только. Летние духота и зной лениво скатывались по трепетной листве от разгоряченного неба к прохладной, в некоторых местах еще увлажненной росой траве, в других – тяжело взбирались из сухой пригретой солн-

цем земли вверх по откосам витиевато изогнутых стволов. Свирепые осы напоминали о своем существовании больше противно раздражающим жужуканьем, чем жалоскальством.

Даша удачно, хотя и нарочито медленно, как бы извиняясь за вторжение в освоения, набрала плодов в мешок, который связала узлами из простыни, предусмотрительно прихваченной в дорогу.

Она облегченно погрузилась в забытьё от побега, от непрерывно давящей неопределенности будущего, от мрачных раздраженных напуганных лиц, окружающих ее и Рому последние дни. Простыня в руках тяжелела, казалось, не только твердыми, кривошековыми, в крапинку плодами, но еще и тревогами, чудесно нашедшими путь на свободу из ее жаждущей облегчения души.

Не сразу Даша заметила, как от осиною шушуканья начал отпочковываться новый звук. Странный, незнакомый металло-моторно-моторно-тар-тарахтящий нарастающий гул, усиливающийся до поры, когда осиная волокня полностью растворилась в новом угрожающем рокоте. Секунду спустя она увидела самолеты, вынырывающие ряд за рядом из-за кромки листвы и уткнувшиеся носами в сторону рассвета.

Самолеты стройно, торжественно и угрожающе маршировали по небу. Она никогда раньше не видела такую тяжелую массу металла, взвешенную в воздухе одновременно. Непонятным представлялось, откуда у неба столько мощи, чтобы удерживать над землей эту махину, но еще больше поражала безупречная координация траекторий.

Маленькие и безвредные в отдельности, крылатые машины, объединившись в громадную организованную стаю, представлялись зловещими, хотя и двигались стороной и никакой угрозы для нее и остальных беженцев, подавленно откатывающихся от фронта, не представляли. Да и как могли? – перепутать многоцветную, расхлябанную, разношерстную толпу людей и животных с организованным военным подразделением невозможно было не только с высоты их парения, но и из далека Луны.

Один самолет робко, эдак неуверенно бочком отстранился от стаи, развернулся в вираже, выровнялся, после чего смело и напористо направился к ней, медленно вырастая в размерах и серебряных бликах. Бойко и уверенно за ним припустились второй и третий, будто родители, заметив неожиданное бегство их чада, следовали за ним, стараясь не выпустить беглеца из виду. Секунду спустя третий, раздумав, вернулся в строй точно в ту же ячейку, в ту же скорость, в ту же координату стальной орды, из которой ранее выпал. «Ага, папа, значит» – догадалась Даша – «У него дела поважнее, чем бегать за шкодливым отпрыском». Тем временем, два самолета продолжали приближаться, опустившись так низко, что стали невидимы за цветочно-томно-темно-зелеными куполами деревьев. Когда же железные монстры вновь объявились, то пронеслись над ней так низко, что она смогла разглядеть лицо одного из пилотов. Едва пролетев, спустя пять громких тяжелых ударов сердца самолеты вздернули носы вверх и резко набрали высоту, одновременно и симметрично опустили правые крылья к земле и вписались в правильную траекторию виража в направлении скрывающейся за восточным горизонтом кавалькады.

Земля под ногами подпрыгнула, потом опять и опять, сильный ветер сбил ее с ног. Острая боль в ушах последовала за взрывами, донесшимися со стороны дороги. Там в белой рубашечке, с двумя котомками и четкой инструкцией никуда не двигаться до ее возвращения ожидал Рома.

Бросив самодельный мешок, она кинулась назад к дороге. Где-то там она оставила его, но узнать место невозможно – все как-то перевернулось и по пути запуталось. Существовали несколько искореженных воронок, вцепившихся в одну шепелявую линию, и одна почти правильной формы. Хорошо различимая вертячая граница образовалась между спокойной плоскостью девственного нетронутого ландшафта и язвами холмов и рытвин, разорвавших ленту

дороги. Темно-серое облако пыли, отрепье материи, перьев, шмотье ниток, клочья газет медленно оседали и неуместно рождали иллюзию движущихся холмов.

Даша не могла, да и не пыталась унять в себе бег. Только изменила направление и теперь неслась вдоль пяточка, оставаясь за его пределами, ожидая, когда тучише оседет и она сможет осмотреть разбитый островок метр за метром. А пока оглядывала пространство вокруг в надежде, что Рома послушался и переместился в сторону от того места, которое когда-то именовалось дорогой.

Во время бега она попеременно припадала к земле и вытягивалась вверх, и чем быстрее глаза поднимались и опускались, тем легче было врезать зрение вглубь разорвавшейся тьмы. И еще услышать его голос среди всех других, чужих и ненужных. Но никаких голосов не существовало, и звуки все исчезли, воздух был заполнен только глухим гулом или гулкой тишиной, полностью изолирующей всё кричащее, зовущее, молящее, стонущее. За исключением одного повторяющегося слова, которое не через уши проникало вслух, а через грудную клетку в осознание... Рома... Рома... Рома...

Поняв, что это ее крики, и осознав их бессмысленность, Даша вынудила себя замолчать. Сделала несколько глубоких вдохов, отозвавшихся неприятным раздражающим шуршанием где-то в размытом центре головы, после чего установилась абсолютная тишина. Никакие звуки более не доносились ни через уши, ни сквозь грудь.

Чуть погодя Даше пришлось вопреки разуму и желанию признать, что движущиеся холмы отнюдь не оптическая иллюзия. Они отслаивались от земли, размазывали на себе ржавую грязь, падали, лежали неподвижно, или коряво перемещались, или отрывались от земли и, обессиленные, оседали секунду спустя.

Ее развернуло на пяточок, по которому она пыталась двигаться с осторожностью, соизмеряя шаги с ошалелым дыханием и грядой с укором разбросанных под ногами бугорков. Она беспомощно наблюдала, как бездумно перемещаются по отломку остальные, топча рыхлую землю и то, что дышало или задыхалось в ее мелкой глубине. Она физически ощущала, как неосторожные шаги оттаптывают грудь и перебивают дыхание.

Даша бросалась туда, где ей казалось, ненайденная, прикрытая слоем земли еще теплится жизнь, слишком слабая, чтобы помочь себе высвободиться, невидимая, и неслышимая, чтобы это сделали для нее другие. Ожидаемо и все равно внезапно наткнулась на тело, уродливо бесхребетно выгнутое, но не стала терять время там, где само время, сдалось, утратив свою живительную ценность.

Она пытается примирить в себе еще хотя бы один осторожный взмах земли с призывом к себе соседнего бугорка, нетерпеливо зывающего к себе ее руки. Глаза попеременно простираются то к месту разлома, куда переносили раненых, где оказывалась неумелая помощь, то в направлении, где безжизненные тела складывают в ряд на краю правильно очерченной воронки, которая к этому времени уже начала терять правильность. «Эти подождут», – ненавидя свое хладнокровие, решает она.

Даша еще долго не находит Рому, с каждой минутой все с большим трудом сопротивляясь бессмысленной надежде, вцепившейся в неё. «А может быть, он все же живой двигается по пятам за мной, высматривает меня, припорошенную землей и грязью». Или: «А может быть, его украли еще раньше, когда была дорога, и у дороги была обочина».

Прошло достаточно времени, чтобы окончательно потерять надежду найти его под землей или среди раненых. Она подошла к краю последней воронки, на котором были сложены тела. Не отыскивался он и здесь.

Даша встала в центр пяточка – к этому времени воздух стал по-военному суров, тих и прозрачен. Стала медленно поворачиваться, всматриваясь во всю длину радиуса зрения, на этот раз, не обрывая его на границе взгорбленной пяди. Сначала очертилась грязно-черно-

ржаво-серая белая сорочка, а потом деревянно и тупо-бесчувственно она собирала глазами, а чуть позже руками все остальное, узнаваемое и неопознанное, в один холмик.

Позже обходила угорок по спирали, медленно увеличивая радиус, пристально всматриваясь в каждую крапинку и облупок на земле, пытаясь соизмерить степень кровного родства с каждым из них. В подол платья она собрала все красно-бурые следы, оставленные Ромой на его пути от обворожительной улыбки в пустую безграничность, которую преодолел он без желаний, в одиночестве, не держа ее за руку.

Замкнув круг, она опустилась на колени и попыталась собрать в мысленный узелок все, что необходимо сделать. Проститься... Попросить прощения... Что-то еще. Она выпускает что-то невероятно важное. Что? Она должна вобрать в себя сантиметры рыхлой земли, глотки горького воздуха, мгновения памяти. Это понадобится ей потом, вдали от пятачка. Потом!.. В том невероятно далеком потом...

Секунды назад она ненавидела себя за хладнокровие и бесчувственность. Сейчас ненавидела трясущиеся, путающиеся, обрывающиеся мысли, бессильные помочь отыскать недоделанное, что уже никогда не сможет доделать потом.

Все еще неготовая, она поднялась с земли и начала едва слышно и как можно медленнее прощаться, стараясь в молитве найти покой. Не для себя – для мыслей, в хаосе которых потерялся ценный обломок.

*Йитгадад виткадаш шмей раба
биалма дивра хирутэй
виамлих малхутэй бихаехон³*

После чего добавила фразу, которую я не мог понять многие года до одной холодной мрачной мартовской ночи: «Я не смогла сделать это для тебя, но все равно сделаю. Обещаю. Ты будешь гордиться мной»

Солнце приблизилось к трем четвертям дневного полуоборота, когда на пятачке начали собираться молчаливые мужчины с лопатами и дровами. Поленья свалились в кучу в центре. Лопаты разбрелись по всей взлохмаченной площади, а в некоторых местах и за ее пределы, засыпая землей лужицы и пятна крови и темно-бурые пятна мертвин, а еще полчаса спустя после недолгого обсуждения их владельцев, начали раскапывать вглубь воронку, на границе которой были сложены трупы.

Чуть спустя к лопатам присоединились тряпки из мешковин, старых простыней и другого отслужившего материала в руках женщин, присоединившихся к скорбной бригаде. Тряпки осторожно принимали в себя останки тел, сбрасываемых в окончательно готовую яму, после чего возвращались на поле, готовые к следующему раунду горестной работы.

Даша сидела возле Роминого ложа и только отрицательно покачала головой, когда к ней подошла женщина средних лет, держа в руках простынь. В ответ та положила полотно рядом, не решаясь самой покрыть ложе. Даша с благодарностью кивнула, затем аккуратно укрыла холмик. Женщина поклонилась и отошла.

Через несколько минут к Даше подошел мужчина преклонного возраста. Она заметила еще раньше – все решения на этой переломленной дороге, непоправимо обращающуюся в кладбище, принимались им.

- Вижу, внучка, не желаешь ложить его вместе со всеми.
- Не могу, – почему-то виновато сказала Даша
- Из-за креста?
- Да. Вы же поставите крест над могилой.

³ (арамейский) – В иудаизме Поминальная молитва – «Кадиш»

Мужчина молча кивнул.

– Есть здесь где-нибудь поблизости еврейское кладбище?

– Сколько верст не знаю – знаю только далече. И помощь понапрасну не кличь. Люди и об себе-то не могут порадеть. Давай мы закопаем его вот тут, в сторонке. Будет здесь маленькое еврейское кладбище. А как скончатся безобразия эти, тогда и вернешься и сделаешь все по совести, как вам указано.

– Спасибо. До земли вам поклон.

Поднялась и низко до самой земли поклонилась.

– Меня Герасимом кличут, – начав рыть, сказал мужчина.

– А по отчеству?

– Нет у меня отчества. Отечество есть, а отчества нема. Герасим я.

– Меня Даша. Это Рома, – ответила она, удивляясь тому, как обыденно прозвучало это имя в жестоком пустом мире, где оно потеряло содержание и никогда его не обретет.

Дарья с удивлением осознала – никогда не тратила на это внимания раньше – Рома был во всем, кроме памяти. Он наполнял настоящее до такой степени ярко и плотно, что для воспоминаний не оставалось ни времени, ни места. Она смотрела и слушала, жадно и ревниво. Для чего нужна ностальгия по старым изображениям и словам, которых более уже не существует. Какими бы удачными ни были его репризы, она знала, будут новые – лучше и, не торопясь, ждала.

Память – попутчица разлуки и потери – нить за нитью вплетает в себя реальность, терпеливо и трепетно ожидая момента проявиться во всей прелести возвращения некогда навсегда исчезнувших мгновений.

Он выказывал свою привязанность к ней глазами, улыбкой, словами. Никогда не повторяясь и никогда в этом не было притворства, чудачества или лицедейства.

Она не любила его фотографии, даже самые недавние и удачные – вот он здесь напротив, живой, улыбающийся, непрерывно меняющийся, и это заполняло всю ее, не оставляя пространства не только для воспоминаний, но и для ожиданий. Какой смысл ловить тень прошедшего или терять время на предвкушение будущего, если у тебя такое прекрасное переполненное настоящее?

Сейчас ей придется учиться аккуратно извлекать воспоминания, чтобы не растерять, не попортить, и чтобы их хватило на всю жизнь. Делать это с такой же аккуратностью, с какой несколько минут назад выискивала следы его телесного существования, бережно очищая от чужого и несущественного.

– Вот и познакомились, – не задерживаясь для подобающих приветствий, проговорил Герасим и добавил. – Вечереет, торопиться надо.

Герасим добрался до середины ямы, когда подспела подмога, и оставшаяся часть была закончена уже без его участия. Две женщины аккуратно укутали останки в тряпки и опустили их вниз в сырые, холодные темные объятия земли. Даша взяла лопату, повернула ее тыльной стороной вверх и начала набирать землю таким неудобным способом. После трех раз повернула лопату совковой гранью и начала перебрасывать землю привычным образом. Никто не подал виду, что заметил этот странный выворот.

Еще три лопаты присоединились к процессу, и минут через семь над землей вырос бугор. Даша долго и аккуратно записывала его в память в растворе высоковольтной линии, угла дикого сада, пригоршни изб на одном краю дороги и извилины леса на другом.

Герасим поднял лопату, и работы начали приостанавливаться, хотя очевидно, были далеки от завершения. Разожгли костер и побросали туда достаточно дров, чтобы был он хорошо виден далеко в округе. Люди начали торопливо расходиться.

– Для чего огонь? – спросила Даша Герасима.

– Мы еще не кончивши. Завтра по заре продолжим. А пока надобно зверей шугать и собак, и воронье стращать. А чего лопата наизворот?

– Чтобы показать любовь к ушедшему. Мы не хотим его отпускать, но вынуждены, поэтому делаем это без желания, так неправильно, как только возможно.

– Моя изба недалече. Тебе отдохнуть надобно. У меня внучка Надя вроде твоего. С ней и заночевала бы.

Следуя за Герасимом, Даша неустанно оборачивалась, надеясь то ли увидеть ранее незамеченное, то ли принять вразумление из прошлого, то ли запомнить важное для будущего.

Подшли к избе. Герасим остановился. Некоторое время молчал. Было, что сказать, а решимости не хватало, а может, какое-то одно важное слово никак не подворачивалось. Странно то было для Даши. Казалось, Герасим уверен в себе и в словах своих, и не случилось у него сомнений в жизни, ни душевных, ни умственных.

– Послушай старика, – не глядя на нее, попросил он.

Даша повернулась и стараясь как можно внимательнее и менее назойливо смотреть ему в глаза, не проронила ни звука.

– Не годится тебе оставлять душу в этой земле. И горюшко свое забери за собой. Нет для них здесь места. Обещаю хранить упокоение, но душу и горюшко... – повторил он еще раз, стараясь выражениями голоса и глаз объяснить то, для чего не хватало слов, – не в моей это мочи.

Не помогло. Даша не понимала.

– Как? – вопрос случился сам по себе, хотела то она спросить другое. «Как можно оставить горе? или душу? Уж не думает ли он, что Даша забудет Рому, оставит его в одиночестве томиться в чужой земле?»

Вопрос, однако, казался правильным и Герасим отозвался. Из кармана офицерских галифе он достал тряпочку, перевязанную двумя тесными узелками, и протянул ее Даше. Не эту ли тряпочку искала она глазами и памятью, но найти не смогла. Она спрятала горсть на теле, и то с готовностью приняло ее как свою часть, как изголодавшее сердце принимает струйку подоспевшего кислорода.

Даша вошла за Герасимом в сени. Скорбь того дня еще не перешагнула порог избы. Из светлицы доносился шум многолюдья. Герасим присел на скамью и начал стаскивать сапоги. Даша присоединилась. Сняла туфли. С мольбой посмотрела на Герасима.

– Можно я чуток здесь посижу?

– Не бойсь, никто не станет тебя терзать. Люди с пониманием.

Не в том была причина. Не хотела она вносить печаль в чужой дом и не готова была делить горесть с незнакомыми людьми. Она потеряла все. Хотя что-то пыталась сохранить для себя. Пусть даже это скорбь. Хотя... Несколько минут мало что изменят. Напротив, войти позже – значило привлечь больше внимания. Так она потянулась за Герасимом, прикрываясь за его широкой и высокой спиной.

С их появлением люди притихли, стараясь по возможности не смотреть на горестную гостью. Герасим пошептался с девушкой лет восемнадцати, и та подошла к Даше. Должно быть, это и есть Надя.

– Садись к столу, соберу чего поесть.

– Я не могу есть.

– В этот дом можно войти голодной. Но выйти голодной нельзя и спать нельзя идти голодной. Это правило. Ты не хочешь нарушить его. Дед того не заслуживает, – тихо сказала Надя.

Не дожидаясь Дашиного ответа, она торопливо отошла, но скоро вернулась с кружкой воды. Ростом она была с Дашу, но широка в костях, говорила чуть хрипловатым голосом.

Даша села на скамейку, стараясь оставаться неподвижной, не видеть и не слышать людей в горнице. Она тихо вспоминала день с раннего утра и с удивлением осознала, что за весь день ни одна слеза не выпала из ее глаз.

Люди вокруг посматривали на нее, но попытки приблизиться никто не предпринял. Скоро Надя вернулась с миской парящей картошки с запахом сала и чеснока, но кусочки сала были тщательно выбраны. Дед Герасим продумал и эту мелочь.

– Спасибо Надя, прости, что не уважила.

– Шелуха все это. Не бери в душу. Думай о своем. Все остальное чужое.

Женщина постарше принесла темно-бордовый чай со сладковато-горьким миндальным запахом, примесью аромата трав, цветов и наливки. Даша пригубила. Чай обжигал, и она стала ожидать, когда тот остынет.

– Надо пить горячим, – Надя придвинула чай. – Пей. Полегчает.

– Не хочу полегче. Я его не уберегла. За что мне полегче? – приготовилась сказать что-то еще, но замолчала, испугавшись собственного незнакомого голоса.

– Пей, – попросила Надя.

Обжигая рот, Даша начала послушно пить. Она почувствовала в ожогах удовлетворение, облегчение и стала с жадностью вливать в себя обжигающую жидкость. Надя схватила ее за руку.

– Не так, – отодвинув чай в сторону, принесла маленькую оловянную ложечку. – Пей с неё.

Надя придвинулась к Даше, готовая удержать ее руку, если та опять вздумает обжечь себя. Лишь только Даша проглотила последнюю ложку, Надя повела ее в глубину избы в закуток, отгороженный занавеской. За ней прятался полумрак. Свежий прохладный воздух, неясно каким образом, то ли через форточку, то ли отверстие в крыше или невидимое окно, просачивался в сжатый и одновременно легкий для дыхания уголок. В изголовье деревянного настила свернулся тюфячок. Надя аккуратно раскатала его, медленно усадила Дашу, присела рядом так, что их руки касались, после недолгого молчания взяла Дашину ладонь, прижала к груди и из ее глаз брызнули слезы.

– Дай мне за тебя поплакать.

– Это я нарядила его в белую рубашечку. Я посадила на обочине, чтобы всем вокруг и далеко был виден. И им тоже. Это я сделала из него мишень. Я видела их всех там у дороги. И мертвых и раненных. Только он один... понимаешь... не мертвый и даже не разорванный. Его просто нет. Понимаешь, попрощаться не с кем.

– Не твоя это провинность. Ты не имеешь права. Когда ты произносишь такие слова, ты этих выпоротков защищаешь, и бог может услышать и не накажет их, как они того заслуживают.

Даша обняла Надю, с отчаянием и без облегчения скорбно завывала. И от того стало еще тяжелее. И от того завывала истощнее ... и от того стало еще тяжелее...

Рома сидел на качелях, подвешенных на гирляндах цветов, уходящих в высокое небо, казалось, прямо к облакам. На нем была длинная белоснежная туника, в волосах венки, а в голубых глазах, еще более поглубевших, чем обычно, спокойствие и удовлетворение. Все остальное белым-бело, только его глаза и гирлянды цветов множества оттенков. «Как замечательно, что нашла тебя. Я боялась, мы никогда уже не увидимся», – произнесла она с облегчением, но он слышал не ее, а приближающиеся детские голоса.

Стайка девочек тринадцати-четырнадцати лет в белых коротких туниках, с такими же белыми венками на голове окружили Рому и со смехом игриво начали тянуть каждая к себе.

«Меня звать Ямина – иди ко мне», «Нет, он пойдет к Ямурине», «А я Ямовина, посмотри на меня, я тебе нравлюсь?» «Ему нравится Ямка», «Нет, он мой, Ямочкин», «Все вы глупые и ничего не понимаете, Рома любит только Яминку», «Пока не увидел Ямишку»... И все разом звонко засмеялись и начали кружить хоровод вокруг Ромы. Неожиданно девочки испуганно замолкли и понуро пригнулись к земле. «Позабавились? Рома пойдет с Ямариной», – хрипловатым голосом строго произнесла девушка постарше и начала трясти Дашу за плечо.

– Вставай. Тебе пора. Через два часа должен пройти товарный на Харьков. Когда будет следующий и будет ли вообще, неизвестно, ты должна успеть на этот. Торопись.

Надя держала мешок с ляжками и Дашино платье, постиранное и высушенное.

– Это тебе. В мешке немного еды, платок и адрес. Определишься на месте, напиши. Там еще наливка и чай на ночь. Только не пей наливку среди случайных людей, беда будет.

– Сколько сейчас?

– Восемь. Тебе надобно идти. В десять пройдет товарный. Может, остановится, может – нет. Но проходить станцию будет медленно. Вскочишь на ходу. Только не с насыпи. С насыпи ноги поотрезает. Запрыгивать надо с полотна. Выбери вагон посередке и бежи за ним. Бог тебе в помощь.

– Я должна с дедом попрощаться.

– Он уж с тобой простился, а я за тебя с ним распрощаюсь. Отправляйся, Дашенька, я буду молиться за тебя. Бог тебе в помощь.

Обнялись.

– Мне бы еще раз к могилке вернуться, – попросила Даша.

– Поворотись. Это тебе по дороге. Беги.

На вчера прямой дороге вырос измученный скорбный горб, по которому как ни в чем не бывало, будто ничего не произошло, продолжали перемещаться молчаливые понурые тени. Глупо-бессмысленно и никому не нужно грело утреннее, но уже поспевшее раскалиться солнце, не способное растопить острые ледяные осколки тоски и одиночества в груди, изрезающие в кровь тяжелое неровное дыхание.

Ни солнце, ни колыхания воздуха, ни успевший стать грязным рукав платья не могут прояснить сумрачную дымку, застилавшую размазанные предметы вокруг. Так она двигалась, с трудом находя равновесие наитием, и мгновение спустя теряя его и место в окружающем незнакомом мире, все дальше удаляясь от знакомых и любимых образов.

Глаза сами по себе, независимо от нее, жадно заглядывали оголившийся уголок неба, прогалину земли, дыхание воздуха, готовясь возвращать ее в этот чужой мир, заполненный родной шемящей тоской, опять и опять, каждый раз в новой печали.

В Харьков Даша приехала в час после полудня на девятый день беженства, за два часа до отхода товарного поезда в Баку и с накопленным по пути неоценимым опытом – если она не отыщет мало-мальски надежных попутчиков, то, может случиться, что до пункта назначения не доберется. Уже не один раз она наталкивалась на подозрительных молодчиков, для которых происходящие вокруг трагедии и хаос не были бедствием, напротив, вольготной средой поживиться кражей, грабежом или отбившейся от сопровождения женщиной.

Давеча она наблюдала сцену. Грязный и нестерпимо дурно пахнущий тип, тощий и, казалось, совершенно безобидный во всех других отношениях, паясничая под исполняемую им пьяную «Дубинушку», пробирался сквозь толпу, ожидающую прибытия поезда. Спотыкается, падает попеременно то на людей, то на багаж. Уцепился за опрятную женщину лет сорока в

окружении мужа и аккуратных чемоданов. Обнял бедолагу, сменил пластинку на дунайские волны.

*Видал, друзья, я Дунай голубой,
Занесен был туда я солдатской судьбой*

... и закужил несчастную в нечто, ничуть не похожее на вальс. Муж оттаскивает незваного партнера, но сил недостаточно. Вмешиваются сердобольные свидетели. Успех. Под веселые возгласы нарушитель позорно удаляется. Однако радостное возбуждение долго не продолжается, уступая крикам отчаяния: «Украли, чемодан украли».

Наблюдала она картины и поужаснее.

В сумерках того же дня в ожидании все еще не появившегося поезда заметила она двух субъектов. Держались они стороной друг от друга, но не оставляло сомнений – были вместе. Она видела это по тому, как высматривали они людей на платформе одинаково прищуренными сверлящими глазами, одновременно по неприметному стовору меняли направление и скорость движения.

Не пожелаешь встретиться с подобными типами в сумерках на пустыре, а поймашь на себе их прищуренный взгляд средь бела дня на людной площади... и кровь заледенеет в жилах.

В какой-то момент, они разошлись и затем одновременно резко изменили направление, с противоположных сторон подошли к женщине, сидевшей в стороне от основной массы, посчитавшей, видимо, что так будет для нее безопаснее.

– Ваши документы, гражданка, – произнес один зычным голосом и тоном, не позволяющим возражений.

– Что вам надо? Кто вы такие?

– Мы из органов, – второй достал из кармана сложенную красную картонку и, не мешкая, вернул назад по месту ее проживания.

– Что вы мне показываете? Оставьте меня! Что вам нужно?

– Сопrotивление властям, – расвирепел тот, что с голосом. – Пройдемте, гражданка, в участок.

– Никуда я с вами не пойду. Что вы себе позволяете? – женщина стала оглядываться по сторонам в поисках защиты.

Людей вокруг много, столько же сочувствия – помощи никакой. Она заплакала, опустилась на землю, вцепилась в чемоданы, пытаясь хотя бы в них найти защиту. Тот, что с картонкой, приподнял ее. Тот, что с голосом, ударил в живот. Женщина замолчала. Удар расшвырял все ее проблемы по сторонам, освободив место для единственной – схватить дыхание. Субъекты подцепили ее с двух сторон, как раненую на поле брани, свободными руками подняли чемоданы и торопливо потащили поклажу в незаметно подкравшуюся темноту.

Воздух накален добела гневом. Достаточно одной сердобольной душе крикнуть «оставь женщину, топай отсюда, цел покудова», и тогда всё остальное свершится само собой. Как естественная человеческая реакция толпы на несправедливость, как потребность выплеснуть наружу горечь и страдания последних дней. Но толпа поражена чувством столбняка, пока молчание и потухшие взгляды прикрывают собой трусость и стыд десятков людей вокруг.

Даша была частью этой толпы, и ей было стыдно и страшно. Она чувствовала довольство тех двоих, когда тащили несчастную в темноту, добравшись до чемоданов, а в скором времени и к телу. И еще большее удовлетворение они излучали, когда один держал – другой бил, и даже не от самого битья, а от того, как толпа безучастно наблюдала. Они не только владели толпой. Они сделали ее своей соучастницей.

Первая попытка попасть на поезд в Харькове оказалась неудачной. Даша наполовину взо-
бралась в теплушку, когда кто-то проворнее оттащил ее, запихивая в вагон себя и семейство.

Имея единственный багаж – почти пустой мешок за спиной, ей понадобилось пять секунд добежать к двери соседнего вагона. Людей, штурмующих дверь, там оказалось больше, но протиснуться между ними она могла бы. Все, что требовалось – поддеть плечом женщину слева, протиснуть локоть и оттолкнуть парня в очках справа. Сделать это было ей по силам. Но кроме сил требовалось что-то еще, что она не имела. Ей казалось, что дедушка Герасим и Надя наблюдают за ней из глубины, сквозь грязные стекла вокзального помещения или технических пристроек слева от вокзала. Убедиться ли в том, что не ошиблись, передавая ей магическую палочку доброты, или опять помочь, если удача окончательно оставит ее.

Она подумывала взобраться на крышу вагона, но та была пологой и удержаться на ней можно было час или того меньше. На длинном пути это ей не по силам. Остановивало еще и другое. Она видела людей на крышах вагонов, удаляющихся от станции, но ни разу не видела на приходящих. Пытались ли люди благополучно или безуспешно пересаживаться внутрь вагонов во время остановок в степи или даже на ходу? Или происходило с ними что-то еще, она не знала.

Судя по табло расписания, поездов в южном направлении до ночи не предвиделось. На удивление – Даша восприняла новость как удачную. Пробраться в поезд, следуя вальняжным нежно-розовым правилам расшаркивания, не удастся. Найти другой способ требуется время. Секунды тесно выгравированы на короткой линейке времени, конец которой упирается в миг, когда тугие толчки, эстафетой побегут от вагона к вагону в хвост поезда, который сегодня ночью или завтра понесет ее на юг. Секунды собираются в минуты, те в часы наблюдений за происходящим. Незначительных деталей не существует. Никто не знает сегодня, что может понадобиться ей завтра.

Даша видит как...

...платформа не дотягивается до первых двух грузовых вагонов поезда.

...раздвижные двери, подвешенные на тяжелых подшипниках, сорвавшись со ступора, накатываются направляющим роликом на ногу неудачника, пытающегося взобраться в вагон. Несчастному не помогут ни истошные крики боли, ни кратковременное сострадание очевидцев.

...открытые платформы с брезентом, прикрывающим могучие формы станков или башен танков, охраняемые солдатами с винтовками, медленно двигаются на дальнем пути.

...девочка лет пяти с помощью матери и сердобольных пассажиров вскарабкалась с полотна в вагон и, едва став на ноги, теряет равновесие под натиском фанерного чемодана, проталкиваемого кем-то в вагон. Падает головой вниз на гравий насыпи, зацепившись за мешок, брошенный в вагон ее же матерью.

...большой начальник быстро идет по вокзалу в сторону необычно короткого, опрятного и надежно охраняемого состава в окружении маленьких начальников и военного патруля.

...эшелоны сформированы пассажирскими, товарными, административными вагонами и открытыми платформами в каждом случае в разных количествах и очередности.

Завыла сирена. Освещение вокзала торопливо погасло. «Это не может продолжаться бесконечно. Чем-то должно когда-нибудь закончиться», – подумала Даша. – «А пока надо бы найти безопасное место для сна»

Могучая стрелка вокзальных часов напряглась, дрогнула, совершила суточный ритуал окончания дня, и тяжело ввалилась в следующий цикл трагедий, боли, хаоса и надежды.

За несколько минут до того, как ее уморил тяжелый приставучий сон, Даше удалось пробраться в здание вокзала, пропитанного дымом, угольной пылью, острыми человеческими запахами, и неудобно сложиться у стены недалеко от двери дежурного по вокзалу.

Проснулась Даша разом, не проходя через ставшими последние дни привычными беспокойные видения, непонятно откуда пришедшими, то ли из сна, рассеивающегося в прошлое, то ли из тревог надвигающегося дня. Чувствовала себя отдохнувшей и расслабленной.

Зал ожидания по-прежнему прикрывается темнотой, разве только чуть побледневшей со сна. Из закрытой комнаты дежурного по вокзалу пробралась неуверенная полоска света вопреки всем предосторожностям, запретам и преградам. «Лучи не пробиваются сквозь замурованные двери без причины», – подумала Даша и двинулась к двери, пытаясь по пути придумать ответы на «Кто там?» и «Что нужно?»

Минуя вопросы, дверь приоткрыл и молчаливым знаком пригласил войти щуплый мужчина лет сорока. Предположение, что он ждал ее, быстро сменилось на уверенность, когда, едва закрыв дверь, он торопливо бросил под ноги заготовленную тряпку, заслонив щелку, погасив тем самым путеводную звезду, которая привела сюда Дашу. На небритые щеки смотрящего маяка неряшливо свешивались седые шелковые пряди, будто два чубчика, не удержась на голове, сползли на стороны. Дай им только время и они продолжат путь, доберутся до острия подбородка, там обнимутся и переплетутся в козлиную бородку. Эта забавная часть внешности обрамляла величавую гладкую до блеска натертую лысину.

– Хорошо, что пришла. Я ждал тебя, – произнес он.

– Вы меня с кем-то путаете. Мы не знакомы, – неуверенно ответила Даша.

– Так точно, ты меня не знаешь, зато я знаю твою маму. Ты вылитая Фаина, когда ей было двадцать. Ошибиться невозможно. Ты думаешь, время движется по прямой. Ошибаешься, дитя. Время скручено в круги.

– Я нисколько не похожа на маму, и ее не зовут Фаина, – попробовала возразить Даша.

Но экстравагантный дежурный по вокзалу не слышит ее.

– Если б не тот большой командир, она была бы сейчас со мной. Но они встретились и полюбили. Она от любви в десять раз красившее стала. Он командарм, она красавица. О них бы в книгах рассказывать. С них картины писать. Увез он ее. Но она все же писала мне и даже приезжала несколько раз. Будто ей мало его – ей еще надобен и я быть свидетелем их счастья. Четыре года назад написала, что увезли его от нее. После чего перестала писать. Страшно подумать. Может статься, и ее тоже увезли. А каково мне? Продолжать жить, будто ничего не случилось? А может, это наказание ей за то, что со мной так обошлась.

Даша не уверена, слышит она или видит эту печальную историю. Кадры мелькают перед глазами в мельчайших оттенках. Случилось ли в прошлом или это предупреждение о будущем? О ком рассказ? Уж не о ней ли самой?

Она видит, как в зеркале: командарм хватается за руку и умоляет защитить, не дать увезти. Она удерживает его со всей силой любви, которую вселенная подарила ей, но любви недостаточно. Его оттаскивают, и она обессиленно опускается на пол. Звуки медленно затихают, картины блекнут, а их остатки разламываются и окончательно исчезают в туннеле, чернеющем в густом тумане.

Даша пробуждается. Ночь, кажется, в самом разгаре. Но сон уже не вернется. Он уступил место чему-то более важному и, к сожалению, неясному. Что-то прячется внутри нее и взывает к себе, но это все, что она может понять. Вечером, когда засыпала, этого ощущения не было. Оно поселилось в ней ночью или привиделось во сне, который никак не может вспомнить. Вот она ухватила ниточку и начинает распутывать, но та выскальзывает и исчезает, не оставляя следов.

Даша поднимается с твердого лежбища с намерением высвободить дыхание в открытое пространство за пределы спертого воздуха зала ожидания, но до нее неясно откуда доносится: «Не туда». Она угадывает темное пятно двери и направляется к ней. Стучит. Дверь после продолжительного ожидания открывает мужчина лет пятидесяти в майке, впускает ее внутрь, закрывает дверь на засов.

– Стой здесь. Не двигайся, – отдал приказ, бросился к столу, схватил телефон, переспросил, повторил, записал.

Оказывается, поезда не двигаются сами по себе. Кто-то управляет скоростью, остановками, готовит пути к прибытию, переводит стрелки, считает вагоны, комплектует составы, ищет замену куда-то запропавшему машинисту.

Часы на стене изображают четыре с минутами. Темно-синий мундир на стуле светится бронзовым значком молота, перекрестившим незнакомый инструмент, в черных петлицах с голубой окантовкой. Мундир помог Даше вспомнить, где она видела этого человека. Вчера он несколько раз появлялся в зале ожидания, на платформе, у билетных касс.

Телефонный разговор сменился вторым, третьим. С каждым последующим звонком Даша все больше понимала, что он знает все, всем управляет и не потерпит, если кто-то ослушается или, упаси бог, посмеет возражать. Внешность его была под стать уверенному тону. Широкоплечий, мускулистые предплечья, громадные кулаки.

На пятом или шестом звонке установилась короткая передышка. Прикрыв микрофон ладонью, он повернулся к Даше.

– Покажь документы.

– Отвернитесь, пожалуйста, – попросила она, готовясь к тому, что он не станет выполнять ее указания.

К удивлению, выполнил.

– Деньги держи в трусах. Там им мягко и тепло. Для документов найди место подступнее. Могут понадобиться, а времени лезть в задницу не будет.

Даша протянула ему паспорт.

– Годится. Куда едешь?

– В Баку.

– Я назову пять чисел. Запомни и повтори.

Назвал он шесть – три двузначных – три трехзначных. Она повторила только пять, упустив последнее.

– Ничего не потеряла?

– Никак нет. Сказано пять, я и повторила пять.

Дежурный усмехнулся.

– Завтра в два сорок пять должен быть пассажирский на Баку. Меня не будет. В восемь поутру заступит Семен Борисыч. Он поможет. А сейчас садись за телефон. Вот этот – другие не трожь. Как позвонят, тут же отвечай: «Принимаю сообщение для Павла Петровича». Для меня, значит. Вот таблицы и карандаш. Будешь записывать все, что скажут. Почерк разборчивый?

– Каллиграфический.

Павел Петрович продолжает:

– Первая колонка – номер поезда, вторая – название станции. С которой звонят, значит. Потом скажут время. Потом числа – информация о вагонах. Запишешь их в эту колонку через черточку. Потом сообщение оставят на словах. Слово в слово записывай. Закончат, скажут: «Повтори», а забудут спросить, так ты сама повтори без приглашения. Ошибешься или перепутаешь – люди могут погибнуть. А даже не погибнут – все равно хана нам с тобой. Сечешь?

Следующие четыре часа пронеслись молниеносно. Даша едва успела ответить на три десятка звонков, заполнить четыре листа с таблицами, выпить чаю с баранками со своим работодателем, как, следуя обещанию, в дежурную вошел Семен Борисыч.

Затемнение на окнах сняли, и мягкий солнечный свет весело наполнил мрачную от тусклой электрической лампочки и пыльных бумажных кип комнату. Такой теперь вспоминалась ночная жизнь кабинета в обратном измерении времени. Ночью комната представлялась совсем другой – светлой, деловой.

Вслед за Семеном Борисычем в смену заступили две женщины, деловито подсевшие к столу и начавшие телефонные щебетания, которые совсем недавно она делила с Павлом Пет-

ровичем. Разве только тон был одомашнен – общались между собой люди, знающие друг друга по голосу и в лицо.

Даша чувствовала себя в безопасности – давно забытое ощущение. Рядом были надежные подготовленные люди, наделенные не только властью, но и способностями правильно ею распорядиться.

Пока проходила передача, Даша разглядывала заступающего на смену нового дежурного. Казалось, он не был пожилым, но каждая деталь внешности пыталась убедить в противоположном. Глаза добрые и старчески печальные. Она никогда раньше не думала, что печаль имеет возраст. Аккуратно подстрижены и заботливо уложены седые волосы над висками. Все остальное пространство со лба, через темя, к шее отдано в безраздельное владение гладкой блестящей кожей оттенка ясного меда. Где-то она видела этого человека. Но праздные воспоминания о неважных мелочах представлялись абсолютно неуместными. Больше интересовало, каким образом этот мягкий, добрый человек сможет управлять людьми, поездами, вокзалом. Как сможет он заставить всех вокруг беспрекословно выполнять распоряжения и жестко расправляться по законам военного времени со всеми, кто посмеет возражать.

Вопреки упорным стараниям телефонов растянуть передачу дежурства, она, в конце концов, завершилась, и Даша с удовлетворением следила за тем, как Павел Петрович, отведя в сторону Семена Борисыча и кивая в ее сторону, что-то пояснял, а тот с понимающей усмешкой, подтверждал: «Все понимаю. Не ребенок. Будет сделано»

Удовлетворенный состоянием дел, Семен Борисыч сел за стол и только тогда впервые взглянул на Дашу. Вздрогнул, будто увидел привидение, отвел глаза. Проглотил что-то, напрочь отказывающееся проглатываться. Осторожно повернул голову к ней, то ли чего-то, опасаясь, то ли на что-то надеясь.

– Как это возможно?.. Кто ты?.. Как ты сюда попала?

Рассказывать о себе у Даши не было ни малейшего желания, да и ошарашенного (не понятно чем) Семена Борисыча интересовало, кажется, что-то совсем другое, отнюдь не история ее жизни.

– Я не знаю, что вы ожидаете услышать. Хотите проверить документы?

Вздрогнув, заверещал телефон. Даша услышала жесткий, не допускающий возражений голос мягкого, доброго человека с влажными глазами напротив.

Семен Борисыч имел интересную особенность перевоплощаться. Временами он вел себя так, будто близко знаком с Дашей или знал когда-то в прошлом. Вроде исполнял пошленькую роль отца, много лет назад бросившего дочь. Случайно встретив после долгого перерыва, испытывает вину, в которой не желает признаваться ни себе, ни ей, и нашел странный способ выразить это – избегать смотреть ей в глаза. В другие моменты взгляд все же прорывался сквозь завесу вины и объединял в себе трудно совмещаемые привязанность, отчужденность, а в некоторые моменты даже брезгливость. Так он и дрейфовал между двумя берегами – скалистым вины и илистым привязанности-отчуждения не в силах пристать ни к тому, ни к другому.

– Ты не можешь здесь находиться. У этого кабинета много секретов, а у тебя нет допуска. Найди себе полезное занятие. Бакинский идет пока по расписанию. В два сорок пять должен быть здесь. Подойди ко мне в одиннадцать. Скажу, что и как делать.

– Спасибо за все.

– Я передам Павлу Петровичу твое спасибо, – ответил он с некоторым брезгливо-ироническим подтекстом, от чего Даше стало неприятно.

Трудно понять, что изменилось за последний час. Какие такие секреты пробрались в комнату с начала нового дежурства. Или они и ночью там жили, просто невинно спали в тайных отсеках и были надежно защищены от Дашиного вредительства. Как бы то ни было, она не намерена портить утро бессмысленными догадками. С помощью доброжелателей или без нее впереди у нее тяжелый день. Тихо и торопливо убралась, боясь, что может невзначай при-

чинить вред Павлу Петровичу, который, возможно, нарушил какое-то важное допускное правило, когда ночью принимал ее помощь.

Даша вышла на платформу и уныло вернулась в недавнюю, поспешно вытертую из памяти реальность. У нее угрожающе мало времени. Даже если ей помогут погрузиться в поезд, это лишь начало длинного пути. Ей по-прежнему нужны попутчики, и она по-прежнему не имеет представления, как их разыскать в этой тысячной толпе. Напроситься в попутчики должно быть полегче. Банальное проворство языка проделает трюк.

Страх и неуверенность порождают недоверие, на которое Даша натывается каждый раз, как только пытается задать вопрос или попросту заговорить с посторонними. Неудача сменяется другой, та следующей. В редких случаях люди отзывались на призыв к общению, но затем выяснялось, что направления следования не совпадают. После чего поиск возвращался к нулевому отсчету.

Время неумолимо приближается к одиннадцати. Даша поворачивает в сторону комнаты дежурного, когда донесся до нее обрывок разговора: «Сказали, поезд будет через четыре часа» Это устанавливает обсуждаемое событие на два сорок пять. Время прибытия ее поезда. Конечно, никаких гарантий, только слабая надежда. Строить планы, основываясь на них, так же глупо, как и опасно. И все же она не смогла удержать возглас радости, вырвавшийся из тесной тоски в душе.

Ее будущие попутчики представляли собой семью, состоящую из среднего возраста четы, двух молодых женщин, одна из которых беременна, двух мужчин того же возраста, парня лет на пять старше Даши, четырех детей от пяти до девяти лет. Более удачных попутчиков невозможно вообразить.

Этим хорошие новости не ограничивались. Группа была свежеприбывшая. На это указывали их растерянные взгляды, расспросы окружающих (большой частью безрезультатные), где и как расположили вещи. С уверенностью можно заключить – штурм поездов в толпе беженцев не был привычным для них занятием и никто из них не имел ни малейшего представления о том, что предстоит им через четыре часа.

За исключением парня – робкого и неуверенного – ничто не указывало на то, что группа намерена интеллигентно пропускать впереди себя всех желающих без разбора. Среди всех других хороших новостей – при всем уважении к ним – эта новость была лучшая. Трое старших мужчин были скроены по одной выкройке. Невысокий рост, ширококостные. Безрукавки открывали мускулистые руки. Либо отец с сыновьями, либо с дочерьми, слепившими по отцу шаблон для выбора суженых. Шахтерская семья – сама не зная почему, решила Даша.

Удовлетворенная достижениями, Даша отправилась в комнату дежурного по вокзалу в предвкушении новых хороших новостей. Что-то вроде «Нету добра без добра» или «Пришло добро – открывай ворота» Интересно, как бы это выразил Рома. Он был мастером на подобные обороты.

На стук никто не отозвался. Терпеливо выждав несколько секунд, Даша постучала сильнее. Дверь дежурного по вокзалу не отозвалась. Даше стало стыдно за себя. На что она рассчитывает? На плечах Семен Борисыча и двух его помощниц громадный вокзал, тысячи пассажиров, десятки поездов и бог знает сколько чего другого, а она требует внимание к себе. Она отошла в сторону. Недалеко. С каждым шагом зубы сдавливались сильнее, пока не заскрежетали. «Из таких, как я, состоит эта самая тысячная толпа пассажиров, а мой поезд один из десятков других. И не я вынудила Семен Борисыча предложить подойти в одиннадцать».

После получасового напряженного бездействия дверь дернулась и выпустила из дежурки Семен Борисыча. Даша бросилась к нему.

– Не мешай. Я занят. Потом, – оттолкнул он ее словами и взглядом, что было еще обиднее, чем, если бы воспользовался руками.

– Когда потом?

– Не знаю. Через час, может быть.

Разыгрывался новый спектакль, в котором роль для Даши уготовлена не была. Она бросилась к двери в дежурку. К радости, запереть ее еще не успели. Вошла, переступая через «важные вокзальные секреты» своим постыдным «недопуском». Обратилась к женщине постарше, стараясь успеть до того, как та выгонит ее. Даша так хорошо понимала этих людей, тяжело работающих в этой комнате. Они все надежные, знающие, добрые и отлично обучены заботиться о массах трудящихся, тысячах и даже десятках тысяч пассажиров. Никто никогда не учил их заботиться о ком-то единичном.

– Семен Борисыч сказал подойти к одиннадцати. У него будет информация о бакинском поезде.

– Помню, – устало произнесла женщина, – он сейчас подойдет.

– Я могу и сама посмотреть, – пытаюсь вялым безразличием обмануть бдительность помощницы дежурного по вокзалу и ее ассистентки, – всю ночь принимала сводки и могу их преотлично читать. Зачем беспокоить Семен Борисыча – у него и без меня дел невпроворот.

Дашино безразличие никого не обмануло. Две другие женщины понимали происходящее лучше нее. Были завалены работой и проблемами. Но к счастью, имели одну важную особенность – недолюбливали Семен Борисыча. Помощницы дежурного переглянулись, и Даша очутилась в центре новой театральной миниатюры. Та, что помоложе, отошла к окну и принялась упражнять поясницу, плечи и локти, пытаясь взбодриться, извлечь из себя свежесть и дать возможность той, что постарше, быстро прошептать:

– Вот сводка, через две минуты я заберу ее. И ты сразу уйдешь. Запомни, ты нас не видела, а мы тебя.

Две минуты спустя Даша завершила миниатюру, быстро, но без лишней суеты уйдя со сцены.

До общения с попутчиками ей необходимо решить несколько технических головоломок. Теперь она хорошо понимает, какие знания понадобятся ей через три часа.

После чего Даша вернулась к попутчикам.

– Какие у вас дети красивые, – обратилась она к матери семейства.

– Внуки. У нас две дочки и сын.

– Как здорово, вся семья вместе. И помощь, и поддержка – все, что нужно тут – рядышком. Куда путь держите?

– В Георгиевск. У меня там сестра в станице Незлобная. Там и переждем весь этот разбой.

– Будьте осторожны, тут все время ходит военный патруль и милиция, – Даша тихо прошептала женщине на ухо, – и проверяют документы у мужчин призывного возраста. Особенно перед прибытием поезда. Я уверена, что у ваших документы в порядке, просто будьте осторожны.

– Что тебе от нас надо, сучка? – в полный шепот прошипела женщина, осознав, что уж чересчур разоткровенничалась. Предупреждали же ее. Много тут всякого шляется. А эта смазливая мамзель – одна, без вещей. Определенно, наводчица или сексотка.

Остальные участники группы, не ведая, что происходит, но готовые вмешаться, косились в их сторону и прислушивались к разговору.

– Я видела, как они задержали несколько человек, и не хочу, чтобы это случилось с вашими. У вас внуки и дочь беременная. Без мужчин застрянете, даже в вагон не проберетесь.

Слова не убедили, но тон слегка подавил отчуждение. Женщина изучающе и все еще подозрительно уперлась в Дашу взглядом, пытаясь понять, что от нее следует ожидать.

– У наших документы в порядке, нам нечего бояться, – чуть миролюбивее, но все еще шепотом проговорила женщина

– Ну и хорошо, все же будьте осторожны, они ко всему цепляются. И простите уж, мне от вас ничего не надобно. Мне в жизни много помогали. Иногда думаю, что и сама могла бы сделать что-то хорошее людям. Простите, если обидела.

– Ты одна или с окружением?

– Совсем одна... а у дочки когда срок? – стараясь защититься от последующих вопросов, спросила Даша

– На сносях уж. Месяц. Может, того меньше.

– У вас какой вагон? – спросила Даша.

– Какой, какой. Куда влезем, тот и какой.

– Бакинский поезд в два сорок пять пассажирский. В вагон без билетов не пустят, – сказала Даша, стараясь быть как можно более убедительной.

– У нас заготовлена секретная справка для проводника.

– Поезд идет из Киева. Сюда прибудет набитый, как бочка селедкой. Я здесь со вчерашнего дня. Всякого навидалась. Один-два человека, может, и проскочили бы. Большая семья с вашим багажом, с детьми – ни за что. Или того хуже, один-двое влезут, остальные останутся.

Женщина повернулась к мужу.

– Сергей, поди-ка сюда.

Мужчина приблизился и, помня раздражение жены, подозрительно покосился на Дашу.

– Что надо, Татьяна?

– Послушай девочку. Она здесь, кажись, не первый день. Может, что путевое скажет.

– Ты в уме? Или как, ядреный черт? Чего эта девочка может втолковать, чего мне не знамо?

Даша повторила короткое вступление.

– И что теперича? – озадаченно спросил Сергей.

– В поезде одиннадцать пассажирских вагонов. К нему прицеплены четыре товарных. Без груза. Два спереди. Два в хвосте. Всего пятнадцать вагонов. Паровоз остановится на уровне того семафора,

– Стой. Не гони, – Сергей оборвал Дашу, – как ты знаешь обо всём об этом? Уж не дуру запускаешь? Поезд в трех часах отсюда, а ты знаешь про него больше, чем начальник поезда.

– Не все. Не знаю, на какой путь прибудет. Скорее всего, на второй. Первый будет занят. Я смотрела расписание. Но могу ошибиться. Или что-то изменится. С этим придется иметь дело в последний момент.

– Будет брехать-то, ядреный черт. Верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу

– Давайте так. Вы мне не верите, пока не появится поезд. Если первые два вагона будут товарные, а третий – пассажирский, тогда поверите. Но план должен быть готов заранее в любом случае.

– Нехай. Валяй. Увижу – поверю. Нет – пиздюлей наварю. Рука у меня сытая.

Даша заглянула ему в глаза. Не делает ли она ошибку? Будет она под защитой или взгромозит дополнительную угрозу?

– Будет тебе, – Татьяна попыталась разрядить обстановку. Что-то подсказывало: они нуждаются в Даше не меньше, чем она в них.

Второй раз в тот день Даше стало обидно. Второй раз зубы заскрежетали. Впервые поняла, что она одна. Нет отца, который испытывал жалость только к матери, никогда к ней, может быть несколько раз к Роме, когда тот был маленьким. Но он всегда давал безопасность. С ним было надежно и спокойно. Это знала она и, что важнее, знали все вокруг. Теперь об этом никто не знает.

Она посмотрела в сторону семафоров. Повернула голову в противоположную сторону. Там тоже были семафоры. Люди, много людей заполнили платформы. Чем-то они отличались от тех, что шли рядом с ней по дорогам. Она нигде не находила старых попутчиков. Все они

разбрелись в разных направлениях, а кому повезло, еще и по разным железнодорожным путям. Знала еще, что большинство людей вокруг тоже отшагали много верст пыльных дорог, а некоторые и рытвин. Там они двигались гурьбой, готовые помочь друг другу, поделиться глотком воды или окаменелым сухарем. В них были залежи доверия просить и предлагать помощь. Может, от того, что двигались в одном направлении. Теперь на узловой станции Харькова они разбредаются в разные стороны. От сурового севера до хлебного юга через заволжские просторы. А может, от того, что никуда не разошлись и никуда не двигаются, а безнадежно застряли в центре иллюзорной звезды железных дорог.

– Неужто все сказала? – мягко добавила Татьяна, пытаясь вырулить разговор в начальную колею.

– Да, это все, – безразлично произнесла Даша.

Необходимость в попутчиках больше не казалось столь уж важной. С какой-то неприятной легкостью вся группа взрослых и детей начала растворяться в тумане прошлого. И как ни удивительно, это не беспокоило, а даже – трудно поверить – радовало. Не нужны ей помощь и защита. Она сама в состоянии защитить других и помочь ... если, конечно, те будут достаточно великодушны принять ее помощь. А нет – их это выбор.

Даша поднялась и, не прощаясь, неторопливо и гораздо спокойнее, чем позволяли обстоятельства, направилась в сторону комнаты дежурного по вокзалу. До отхода поезда ей надо закончить еще одно дело. Очень важное. Теперь, когда она не зависела от Семена Борисыча, ей хотелось еще раз взглянуть ему в глаза. Что-то она упустила в этом человеке, какую-то надломленность, потерю. И непонятно, как она оказалась в утробе этого разлома. И все больше мучила загадочная его схожесть с кем-то незнакомым.

Она успела войти в здание вокзала, когда кто-то схватил ее сзади за локти. Даша не знала, кто это и как можно дольше не хотела узнавать. Может, кто-то из очень далекого прошлого сумел добраться до нее через рифт времени. Кто бы это ни был, прикосновение означало – она не одна, кому-то она нужна.

– Прости, Христа ради прости старого вымеска, – сказал Сергей. – Не по злобности я. Со страху. На мне семья и дети малые. Страшно, ядреный черт. Должен быть сильным, а на деле... страшно... потерялся. С того и дуру пёрнул. Поверь, не гнилой я человек.

Неприятны ей были его извинения.

– Забудем. Идемте. Нас ждут. Дел много, а времени мало.

Молча слушая попутчики окружили Дашу.

– Если поезд прибудет на второй путь, то первый грузовой вагон будет напротив той угольной насыпи. Там соберется меньше всего народу. А повезет – вообще никого. Но скоро сбегутся те, у кого мало вещей и кто быстрее других поймет, что к чему. Времени у нас будет две-три минуты. Этого достаточно.

– А как с полотна лезть в вагон? Двери будут повыше груди, – разумно поинтересовалась беременная, – ступенек же нет у товарного.

– Багаж будет ступеньками. Что хрупкое – отложите в сторону. Хорошая новость, багажа у вас достаточно. Вас как звать? – обратилась Даша к беременной.

– Наталья.

– Первой поднимется Наталья, и оттуда будет принимать детей. Как только те взберутся, то должны встать вдоль стенки. Задержатся в проходе – их затопчут или закидают чемоданами. Могут и из вагона вытолкнуть.

– Неужто детей кто станет выпихивать? – усомнилась Татьяна.

– Не со зла. По отчаянию. Или по неосторожности. Дети должны держаться кучей за руки. За них отвечает Наталья. Свободного места для четырех детей в вагоне, думаю, не будет.

Дети должны начать ерзать и расталкивать взрослых. С детьми никто не станет задираться, уступят и пропустят. Касательно взрослых – другая история. Люди в вагоне притерлись, и если новопришедшие начнут угрожать их притертости, то могут дать отпор.

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кому даст отпор, – твердо вставил Сергей.

– Не думаю, что у нас есть время на стычки. Добрая улыбка и пара слов: «Все отлично. В тесноте – да не в обиде», – будет лучшим отпором.

– Верно, – согласилась Татьяна.

– После детей погрузятся женщины. Татьяна первая, я последняя. Потом мужчины забрасывают багаж. Женщины принимают и тут же передают в сторону. Туда, где дети. Определите порядок погрузки мужчин, чтобы не мешать и не расшаркиваться. Последним погрузится самый сильный.

Подумав чуток, Сергей приступил к указаниям, женщины к подготовке младшего состава к игре под названием «штурм вагона», что вызвало восторг притихших, минуту назад запуганных детей. Они с радостью повторяли правила игры, с удовольствием репетировали, как будут ерошиться и расталкивать незнакомых взрослых в вагоне.

– Первым из мужчин пойдет Алеша, – отдавал тем временем распоряжения Сергей.

Все посмотрели в сторону младшего. Алеша сжался и сквозь румянец неуверенно уточнил:

– Как только погрузим багаж, я влезу следом.

– Нет, до багажа. Будешь принимать багаж из вагона, – распорядился Сергей

– Я могу принимать багаж, – пытаюсь показать свою полезность, предложила Даша.

– Ты, девочка, свое сделала, остальное оставь нам, – остановил ее Сергей.

Погрузка большой, а к тому времени еще и на одного человека разросшейся семьи, прошла без значительных отклонений от заготовленного плана.

Незначительный урон составило Дашино платье, разорванное на уровне бедра. Ей приходилось придерживать отвисший обрывок руками, защищаясь от нескромных взглядов. Но кого могут беспокоить подобные мелочи? Она в поезде, хоть и медленно, но неудержимо двигающемся в пункт назначения.

Новое пристанище мало походило на привычные теплушки, с которыми Даша сталкивалась в довоенной жизни. Отец, бывало, брал ее в локомотивное депо, где работал начальником смены, и где под высокой крышей ее всегда ожидали несколько старых вагонов, готовящихся переродиться в новую жизнь. Каждый имел свою особую историю. Соленым морским воздухом дышали крупинки песка, затерявшиеся в щелях между досками пола или в трещинках металлической обшивки. Раскаленный на солнце настил поджаривал зерна пшеницы, которые при хорошем аппетите и мало-мальском воображении обращались в сдобные булочки. Минеральные удобрения не заглушали голод, зато веяли плодородием, рыхлым черноземом и свежескошенной травой.

Новые вагоны она не любила. Их краска выдыхала едкий запах, всегда одинаковый, независимо от того, были это думпкары⁴ или цистерны, сплошь металлические, или крытые вагоны с древесными плитами и досками. Все они выглядели нарядными, торжественными и, лишенные истории, неживыми.

Нынешняя обитель хранит иную летопись. Упущу часть, связанную с запахами. Они были настолько неприятны и до такой степени въелись в прогнивший и местами прогибающийся пол, в краску, волдырями вздувшуюся на теле вертикальных и наклонных стоек, рамы

⁴ Думпкары – грузовой вагон, для перевозки и автоматизированной выгрузки сыпучих пород – грунта, песка, щебня и пр.

и каркаса, что описанные профессионально, поразят страницы этого повествования отвращением и угрозой потерять чувствительного читателя.

Вагон утратил возраст и способность к перерождению. Вероятно, его списали, но не успели сдать на слом. И теперь он слоняется по дорогам, перемещая людей в сцепке с пассажирскими вагонами, ибо перевозить грузы ему более не доверяли.

Несколько десятков людей (точные подсчеты пару часов спустя покажут: сорок три), втиснуты (по неточным подсчетам) в тридцать шесть квадратных метров площади настила. Слишком тесно, чтобы всем одновременно сесть. Прилечь – роскошь непозволительная. Кому-то придется устанавливать расписание и правила посадки людей на пол с последующим подъемом. А через несколько часов возникнет еще более сложная задача – обеспечение сна.

В Харькове часть пассажиров сошла и состав вагона значительно обновился. Старые постояльцы растеряли костяк или не удосужились создать его в свое время. В том или ином случае должность дежурного по вагону оказалась вакантной. Понадобилось не более часа, чтобы заполнить ее. Новый лидер некоторое время сопротивлялся, но необходимость протоптала тропинку сквозь ватагу случайностей, и вагонная семья обрела статус ячейки общества.

Старшим ячейки была провозглашена Татьяна. Не выдвинута кандидатура, не проведено голосование, не соблюдены формальности. Но как только Татьяна начинала говорить, все остальные замолкали. Этого оказалось достаточно, чтобы Вагон обрел организованность и порядок.

К удивлению, в скором времени и даже без помощи Татьяны все пассажиры уселись. Это противоречило законам физики и стереометрии. Но, как говорится, «если на клетке со слоном написано «лев», значит, так оно и есть».

В Безлюдовке, следующей после Харькова остановке, вагон пополнился женщиной, с распатланными волосами, мешком в одной руке и младенцем – в другой. Девочка – на вид двухмесячного возраста – была закутана в цветную грязную тряпку, и невозможно было определить – цветной пеленка была по природе или от грязи. В мешке у матери оказались еще две тряпки-недотепки. Одна по степени нечистоты не уступала той, которой был спеленут ребенок, вторая – на скорую руку постирана, но не просушена. Грязную скомкали и отправили назад в мешок до худших времен, мокрую направили к двери, где сострадательный доброволец, удерживая ее за уголок, предоставил остальную поверхность колыхаться на ветру победоносными красными пятнами и капитуляционно-белыми.

Три новые относительно чистые тряпочки преобразились в пеленки и пробрались из багажа сердобольных пассажиров в мешок приданого младенца.

В скором времени выяснилось, что реальный возраст девочки опережал видимый на два месяца.

Мать пыталась кормить младенца каждые полчаса, прикладывая к обеим грудям поочередно. Ребенок прихватывался с вялой жадностью к впалой груди, но обессиленно засыпал две секунды спустя. Мать взбрыкивала девочку. Та нехотя повторяла попытку, но не втягивалась и через секунду вновь засыпала, каждый раз вызывая у матери тревогу – а сон ли это?..

Вагонная семья отнеслась с сочувствием к безмолочной матери, и каждый пытался помочь – крутым яйцом, вареным картофелем, покрытым язвенными точками помидором, потерявшим упругость огурцом. Ничто ни в отдельности, ни в сочетании с другими лакомствами результата не давало.

– Ей бы чай с молоком, – со знанием темы заметила пожилая женщина. Заявление вызвало всеобщее одобрение.

Чай нашелся, и даже чудом теплый, молоко же оказалось в остром дефиците.

– Найдется у кого-нибудь крынка, бутылка или что-то вроде того? – негромко спросила Даша.

Кто-то попытался пошутить касательно коровы-невидимки, припрятанной в уголке, но на него шикнули, и шутка оборвалась, не добравшись до противоположного конца вагона.

Нашлись четыре бутылки, одна отдавала спиртом, две – тухлыми яйцами, последняя казалось чистой, во всяком случае, на вид и запах.

Станция, долго не появляющаяся, обозначилась за изгибом железнодорожного полотна. Всё Дашино скудное имущество, включая самое ценное достояние – три грязные бутылки и одна чистая, в мешке за спиной. Не дождавшись полной остановки, с помощью Сергея она спрыгнула на полотно, уносящееся из-под ног быстрее, чем предполагала. С трудом, но все же удержала равновесие.

Она бросилась к станционным кранам, выстроила три грязные бутылки тесным треугольником под струей кипятка. В ту, что почище, закинула горсть земли, залила на четверть кипятком и начала отчаянно трясти одной рукой, освободив вторую для следующей посуды, ожидавшей своей очереди на цементном основании.

– Беги, я домою остальные, – неожиданно и с радостью услышала она голос Алеши рядом.

Даша бросилась с чистой бутылкой в конец платформы, где торговки разложили ящики с фруктами.

– Сколько молока за бутылку наливки? – спросила Даша полную женщину рядом с бидоном молока.

Молочница опробовала наливку и удовлетворенно кивнула головой:

– Три бутылки.

– Четыре, – старясь казаться по возможности более жесткой, произнесла Даша.

– Три, – на мгновение задумалась, посмотрела в сторону, и с подозрительно хитрой усмешкой передумала. – Четыре так четыре. У меня тут как раз на четыре и соберется. Где бутылки-то?

– Сейчас прибегут.

Женщина торопливо спрятала наливку под ящик, на котором сидела. Торговки-товарки рядом, с такой же хитрецей посмеивались, понимающе переглядывались, с интересом следили за происходящим.

Молочница медленно достала воронку, вставила в бутылку и еще неторопливее начала лить.

– Пожалуйста, побыстрее – мы опоздаем, – попросила Даша.

Подбежал Алеша с почти чистыми бутылками. Молочница начала еще медленнее наполнять вторую бутылку, когда раздался гудок паровоза и их поезд начал двигаться, подтягивая вагоном вагон. Даша рассчитала, что у нее есть еще секунд пятнадцать наполнить бутылки, добежать до вагона до того, как поезд наберет скорость, для нее недоступную, или выкатится на насыпь, на которой, по предупреждению Нади, ей отрежет ноги.

– Пожалуйста, побыстрее. У нас там мать с умирающим ребенком. Спасибо вам – вы жизнь ему спасаете, – умоляла Даша.

– Да, да, конечно – съязвила молочница, пронять ее было не в Дашиных силах. Историю про умирающего младенца она, очевидно, слышит по пять раз на день. Ничего с ним не станет, уж как-нибудь. Вторая бутылка всё никак не наполнялась.

Послышались крики, секунды спустя сменившиеся на стук и грохот. Казалось, весь поезд стучал всем, чем стучалось, обо все, что стучится.

– Это до вас, дети. Бегите. Встречный подходит, – победоносно объявила молочница, передав вторую, бутылку Алеше.

Дети (по меткому определению торговки) взглянули в сторону, куда указывали руки и лица в поезде, глаза молочницы и ее товаров. Навстречу их составу по первому пути двигался

эшелон, отрезая Дашу, Алешу и, может статься, никому не нужные бутылки с молоком от их состава.

– Беги, – крикнул Алеша и толкнул Дашу к поезду.

Это не был его голос, и не было его прикосновение. Так Алеша толкать не умеет. Она обернулась и уловила молчаливое, сжато-губое и уверенное: «Я позабочусь об остальном. Не мешай. Беги», – и увидела, как он начал лить молоко из второй бутылки обратно в бидон.

Она прижала к груди бутылку и помчалась наперерез поезду-разлучнику. Перед тем, как пересечь колею, обернулась. Алеша бежал вслед с бидоном молока в руках. За ним тяжелая на мат и на бег следовала молочница. Перерезав встречный поезд, несколькими метрами опередив его, дети оказались двумя вагонами позади своего.

Вагон, на уровне которого бежала Даша, пассажирский. Двери в нем были закрыты. Даша могла бы вскочить на подножку и провисеть там до следующей остановки. Но нашла силы добежать до второго грузового вагона – чужого, а оттуда, если повезет, и до своего. Тогда безмолочной матери не понадобится ждать следующей остановки. Перейти из одного товарного вагона в другой было невозможно из-за отсутствия площадок.

Бежать по булыжникам тяжело. Ноги начинают подгибаться, а дыхание – выбиваться из Даши. До своего вагона ей никак не добраться. Тем временем из чужого, на уровне которого она бежит, протянулась помощь. Держа бутылку в одной руке, она, ухватилась второй за чью-то сильную кисть и повисла, болтаясь на одной руке и больно ударяясь ногами о шпалы и булыжники. Кто-то выхватил из руки бутылку, перехватил кисть. Двое мужчин – по мужчине на руку – втащили Дашу в вагон, больно обтирая ей грудь, живот и ноги о шершавый металл каркаса вагона и занозный, колючий деревянный настил.

Даша еще раз обернулась в поисках Алеши. Его не было видно. Она придвинулась к двери, пытаясь выглянуть, но кто-то с силой обхватил ее и не дал двинуться, боясь, что она может быть не в себе и попытается выпрыгнуть из вагона (что, скорее всего, никого не удивило бы после ранее увиденных ее приключений на станции) или, не рассчитав силы после происшедшего, случайно вывалится.

– Я только хочу проверить, где Алеша.

Мужчина выглянул из вагона.

– Не видать Алеши. Похоже, впрыгнул в передний вагон. Что же он тебя бросил-то, твой Алеша? – усмехнулся тот.

Интеллигентная седая женщина мягко и доброжелательно:

– Объясни доченька, и все это из-за бутылки молока?

– Это не простая бутылка молока. В ней жизнь младенца.

Не знала она тогда, что эта обычная бутылка молока спасет не только жизнь ребенка, но и ее собственную.

Бутылку обернули в мокрое полотенца, изготовили из обрывков газеты аккуратную пробку, предусмотрительно предохранив молоко от типографской краски, и выставили на ветер так, чтобы испарение воды с полотенца поддерживало прохладу в молоке.

Новый вагон казался куда дружественнее. Здесь явно правил матриархат. Несколько женщин окружили Дашу. Появились нитки, иголки и даже простынка, в которую ее закатали, пока кто-то чинил изодранное платье. Наряд окончательно потерял привлекательность, на которую рассчитывала Даша во время двухчасовых сборов. Зато надежно прикрывал тело, вызывающее лишнее любопытство.

– Лучше некрасивая заплатка, чем красивая дыра, – оправдывалась улыбчивая рукоделица, с гордостью разглядывая результаты своих неискушенных, но старательных усилий. –

Останешься с нами? У нас тут тоже дети имеются. Может, им не нужно молоко, но, похоже, у тебя есть и кое-что другое, что им может понравиться.

Обстановка в новом вагоне была приятная, но Даша знала – там ждали ее. Она не могла бросить Алешу, голодную девочку. Конечно, ее вагон отлично выживет и без нее, но то был теперь ее дом со всей его мужской грубостью и неотесанностью. Весь запас дозволенного в жизни предательства она уже растратила на холмистой пяди.

На следующей остановке в степи Даша перебралась к себе домой. Алеша взял ее за руку и, прямо смотря ей в глаза, произнес «спасибо». Она отреагировала встречным «спасибо тебе». Бидон молока, малость испитый, беззащитно и оголенно мучился в июльской духоте и уже начал опасно нагреваться и впитывать в себя зловоние вагона. Даша выпросила у кого-то полотенце и, намочив его, обернула бидон, переставила его напротив двери вагона, как была научена час назад. Татьяна подошла к Даше и обняла ее за талию.

– Нам бы тебя для Алеши. Как тебя разыскать? Оставишь адрес?

– Я не знаю, куда еду и где окажусь. Да вы и не знаете меня вовсе. Боюсь, я совсем не такая, как вам представляется.

– Вот здесь ошибаешься. Ты из Алеши за пару часов мужика слепила. Глянь на него. Если б ты знала, сколько лет мы мудохаемся.

– Это вы из него мужчину сделали. А вагон только лишь последнюю точку поставил.

В Славяногорске сошли восемь человек. Станет легче дышать, удобнее сидеть и, по замечанию Татьяны, «слаще спать». Это было бы хорошей новостью, если бы вагон сразу же не пополнился тремя новыми обитателями.

– Ну и рожи, – подивился Сергей, – в три дня не оплюешь. Поставишь на поле, так вороны урожай за прошлый год вернут.

На протяжении трех последующих дней их присутствия в общаге Даша ни разу не слышала их имен. Они почти не общались между собой, не представлялись окружающим, и никто не выказывал желания с ними знакомиться. Даша старалась держаться от них подальше и знать о них по возможности меньше. Исключение составляла одна деталь.

В имени человека закодировано больше, чем просто опознание. Оно призвано привести его владельца в ожидающую его точку в будущем, помогая одолеть препятствия на пути. Сейчас Даша осознала еще одну миссию имени – защитить окружающих от вреда, который может нанести его обладатель.

Даше не нужны клички и прозвища, подобранные новопоселенцами на маршруте из невинного детства в списанный вагон, а их настоящие имена, которые не существуют до тех пор, пока она не создаст их. Те, в которых выгравированы их угрюмые взгляды, звериные повадки, злобные мысли.

Названия не могут быть ни насмешливыми – это не игра, ни пренебрежительными – это не исключит опасность, а только скроет ее.

Кто бы мог подумать, что искусство давать названия – никакое не искусство, а самая настоящая наука.

Опишу троицу в той последовательности, какой она попала Даше на глаза.

Первый. Сухотелый и оцепенелый. Безобразное лицо после нескольких секунд внимательного рассмотрения раскрывает секрет его неприглядности. Можно описывать черту за чертой – можно одной фразой. Годы назад, а может, в предыдущей жизни, ему сняли лицо, а потом впопыхах неправильно надели назад. Каждая отдельная черта соответствовала форматам нормальности, но лик потерял целостность. Вроде фильма, в котором звук не соответствует изображению.

Даша вспомнила Костю Ножкина. Он учился с ней в одном классе. Увидишь в сумерках – испугаешься. Не любить его было не в человеческих силах. Он излучал благолепие. Его взглядом можно было лечить.

Взглядом Переодень Лицо (так теперь звали этого типа) можно только наказывать или пугать. Час спустя после его появления Даша сделала еще одно важное открытие. Не отсутствие соразмерности фрагментов лица делало его столь неприятным, а исключительное умение его владельца находить внутри себя мерзость, которую он с удовольствием доставал из глубоких и темных закоулков и с блаженством натягивал на лицо.

Имя второго напрашивалось само по себе – Вампир. Так бы назвали его восемь человек из десяти, которым предложили бы подыскать словесный эквивалент его оскалу. Когда он спал или забывался, его внешность мало отличалась от большинства других. Когда же он вспоминал, что родился с великим предназначением пугать окружающих, верхняя губа вздергивалась вверх (вероятно, результат многочисленных упражнений), обнажив неровный ряд желтых зубов, выделяющихся на темном фоне сгнивших, поломанных или выбитых. Оставшись зубами он конвульсивно прищелкивал, чуть вздернув голову. Нос при этом собирался в складки, как у свирепой собаки в пике ее ярости.

Очевидно, он не мог согласиться с фактом, что от природы лишен достоинств, которыми наделен Переодень Лицо, – отталкивать людей обликом. Сейчас приходится компенсировать врожденный недостаток специальными мимическими упражнениями.

Имя Вампир Даша отмела, как тривиальное. Кроме того, в какой вселенной подобное слово может предохранить и защитить? Именование Желтый Клык не было столь выразительно, зато авторство принадлежало ей и предназначено было оберегать ее.

Третий тип – особая история.

Нет необходимости описывать его. Достаточно сказать, что он вселял ужас в Переодень Лицо и Желтого Клыка. Самое безобидное название, какое она смогла разыскать в своем словаре, было Вожак.

Он был постарше корешей и пользовался неоспоримым авторитетом. На следующий день после их появления Даша наблюдала омерзительную сцену. Вожак застал Переодень Лицо и Желтого Клыка шушукающимися между собой. По неизвестной причине это ему не понравилось.

Он поставил их напротив друг друга. Так близко, что каждый послушно вдыхал выдох другого. Оба догадывались – то, что произойдет вслед за этим, не столько наказание за слушание каких-то писанных, неписанных или даже никому не известных правил, а демонстрация общаге, *кто* в натуре держит верхушку в этом доме на колесах.

Она отвернулась, чтобы не видеть, что случится дальше. Не потому что неприятно наблюдать сцену наказания. Напротив – конфликт одного подонка с двумя другими привносил некоторое удовлетворение и даже надежду на разлад в гнусном семействе. Даша отказывалась принять сообщение, которое они рассылали окружающим, включая ее, а возможно, ей в первую очередь.

Желтый Клык был легче Переодень Лицо, а посему, когда Вожак столкнул обоих лбами и носами, он в действительности врезал Желтым Клыком в нос Переодень Лицо как собственным кулаком.

Группу в целом она определила Мерзкой Тройкой.

Первую победу новоприбывшие одержали, нанеся поражение административной структуре Вагона. Татьяна сложила с себя полномочия Дежурного. Тройка была ей не по зубам. Но свято место пусто не осталось. Его занял Сергей. Сделал это с удовольствием, даже некоторым вожделием по причине, в которую Даша отказывалась верить до того момента, когда Сергей, найдя удобный момент, прошептал ей: «Покудова я окрест тебя, будешь, ядреный черт, цельхонькой в сохранности»

Ей было приятно это слышать, хотя и без этого откровения, чувствовала себя в безопасности. Но неминуемо надвигался момент, когда останется одна. Продолжала изучать попутчиков, пытаюсь понять, на кого сможет положиться после того, как ее новая семья покинет ее.

Не позволяла она разрешить себе шаткую надежду, что Гнусная Тройка прибудет к пункту назначения раньше шахтерской семьи. И все же, каждый раз, когда паровоз подтягивал цепочку вагонов с очередной станции в приближающуюся неизбежность, она вглядывалась в противоположный темный угол в надежде не увидеть там мерзких лиц. Каждый раз разочаровываясь.

За одну остановку до Георгиевска Даша заглянула к старым приятелям из второго товарного. Обстановка там значительно отличалась от любимейшей ей во время первого визита. Обновленный состав пассажиров более не был привлекателен. Вагон представлялся незнакомым дьяволом, который, она знала – хуже знакомого. Не было там омерзительной тройки, но и не было людей, на которых она могла положиться при необходимости.

Наступила последняя ночь, которую Даша проведет под защитой вагонной семьи. Завтра спать, скорее всего, не придется, но тягостные мысли не делали спокойной и эту предпоследнюю ночь.

Когда все же после долгих усилий она погрузилась в кромешную тьму, к ней все еще пробирались проблески тревожной реальности. По запаху и движению воздуха в спёртой темноте она силилась понять, где находится. Ногой как посохом простукивала путь вперед, руками шарила перед собой, оберегаясь от упирающейся в лицо опасности. Неожиданно приотворились тяжелые ставенки. Лучики солнца и свежий воздух пробились в большую холодную каменную комнату с высокими потолками и готическими окнами и оборвали связь с беспокойной реальностью, заменив ее беспокойством сновидений.

До нее доносились неразборчивые звуки, и белый дым клубами наполнял комнату. Зрение и слух обострились, чтобы пробиться сквозь хлопья дыма, и тот уступил, сдался, сгустившись в очертания людей.

Даша различила крупную женщину в египетской цвета слоновой кости галабеи⁵ в центре. Невысокая стройная темнолицая испанка в мантильи⁶ поверх высокого черного гребня на голове помахивает веером. непохожие лицами три сестры в разноцветных итальянских беретах, в одинаковых платьях с полосами золотой вышивки, копирующими изгибы трех дородных одинаковых как в зеркале тел; полосы расширяются на пышных бюстах и крутых бедрах, сужаются на талии. Атлетически сложенная римлянка в тунике держит в руках миниатюрную арфу. Светлые волосы красивой немки уложены в высокую прическу, грациозно возвышающуюся над амфитеатром голлеры⁷. Короткая прическа «под мальчишку» молодой португалки, одетой под матроса, сводит «на нет» все ее усилия выглядеть мужчиной. Неужели она полагает, что сможет одурачить кого-то этим маскарадом, а может, цель маскировки совсем другая. Стороной держится обезображенная почернелыми ожогами в длинной до пола, разорванной, окровавленной и обгорелой рубахе; залитая слезами, истерично смеется женщина. Понять причину смеха – потеря рассудка или радость спасение от костра – как и страну проживания (или правильное – выживания) Даша не может. А дым тем временем очерчивал новые эпохи и новые географии.

«Странная компания» – подумала Даша – «Что собрало их вместе?» – «Чем-то ... чем они похожи друг на друга?». Взгляды? Разные. Но что-то в них общее – может в том, как

⁵ Длинная рубаха жителей востока

⁶ Элемент национального испанского женского костюма. Длинный шелковый или кружевной шарф-вуаль

⁷ Короткий с высоким отворотом воротник, вошедший в моду в XVI веке в Западной Европе

смотрят на нее. С любопытством, интересом, удивлением?.. И еще с гордостью, похожей на ту, с какой мать смотрела на нее, когда она наряжалась к школьному вечеру.

Женщины говорят одновременно и оттого понять их невозможно. Но постепенно звуки разделяются на буквы, те складываются в слова, которые в свою очередь собираются в отчетливую фразу: «Гнусная Тройка будет оставаться в вагоне, пока ты ее оттуда ни выпихнешь». – «Как?» – думает Даша. – «Я сумела найти *как*» – «я нашла *как*» – «и я нашла *как*» – перебивали, перекликались, эхом повторялись голоса. Обожжённая женщина, перестав смеяться, спокойным, молодым, неожиданно красивым грудным голосом сказала: «Ты бы не появилась на белом свете, если б каждая из нас не сумела. И ты сумеешь. Ищи». «Ищи» жестким приказным эхом рассыпалось по комнате. Праматери тесно окружили Дашу, будто пытались с ней сблизиться, стать сопричастными ей. Осторожно касались ее, ласково гладили плечи, руки, спину. Приятное тепло разлилось по ее телу. В дополнение Даше стало весело от их странного нелепого предсказания... и страшно от того, что, едва появившись, компания неожиданно исчезнет, оставив ее одной в холодной громадной незнакомой, затерянной во времени и странах комнате. Но женщины не исчезают, что-то ожидают.

Даша набралась решимости и с горечью бросила: «Раз уж на то пошло, где вы были, когда я оставила его в белой рубашечке мишенью на обочине?» Блекло-коралловый отсвет наполнил комнату, и Даша услышала в ответ: «Вспомни, как ты возвращалась к нему опять и опять, как не могла оставить одного на обочине... и все же ушла, не признав ни одно из этих предупреждений». Она услышала Ромино «... если никогда не уйдешь, то никогда не вернешься...» и с печалью она подумала «так никто никогда и не узнает первый закон времени».

Татьяна присоединилась к Сергею в поисках благополучного выхода из Дашиной рискованной ситуации. Голова матери семейства – лучшее место для рождения подобной восхитительной идеи, которая не только обеспечит Дашину безопасность, но и попутно поразит пару других целей.

– Чуешь, Даша, ядерный черт, эта шпана шуток не понимает, – вступил Сергей.

Татьяна подхватила:

– Поедем с нами. Передохнешь чуток. День-другой. А понравится, то и дольше. Потом продолжишь. Моя сестра важный человек в районе, она и с билетом поможет. Успеется. Некуда тебе торопиться. Больно уж ты молода торопиться.

– Звучит привлекательно, но ждут меня. И как быть уверенной, что в следующем поезде не окажутся подобные типы? Здесь меня хотя бы знают. Даже без вас я все же не одна.

Звучал довод неубедительно, как ни старалась – и не только в ушах Татьяны с Сергеем, но и в ее собственных. Решение было принято без раздумий и колебаний, будто то был не наиболее верный, а единственно возможный путь в будущее. Пятачок – неизбежность прошлого, Гнусная Тройка – неизбежность будущего.

Почему она не приняла предложение Татьяны? На что рассчитывала? На случай? Какой? Сказочный? Романтичный? Что двигало ею? Азарт?

Игрок знает – проигрыш неминуем. Знает и вопреки тому продолжает игру. Потому что погоня-то не за выигрышем (в чем уверен дилетант), а за хмелем риска.

Замечал ли я когда-нибудь в ней азарт? Никогда, если под азартом понимать карты или рулетку.

Но азарт был. Научиться находить шанс в миллионе. И делать это придется не из книг и рассказов, И еще знала, что ей будет страшно, и чем может полатиться, если допустит ошибку и не сумеет найти «как».

Мать семейства, вероятно, имела недостатки. Сдаваться после нескольких неудач – не был один из них.

– Сойдешь с нами в Георгиевске, – сказала Татьяна тоном, не позволяющим непослушания. – Потом незаметно переседаешь в третий плацкартный вагон. Спросишь проводника Геннадия Анатольевича. Скажешь, ты Даша. От Татьяны. С ним все сговорено.

– Как я вам благодарна! Сколько это стоило?

– Не твои проблемы. Дай только слово, что напишешь, когда доберешься до места.

– Напишу – не сомневайтесь. Даю слово.

Георгиевск оказался популярным пунктом назначения. Вагон почти наполовину опустел после того, как Даша, накинув на спину Надину котомку и, стараясь по возможности не отделяться от шахтерской семьи, вместе с ней и другими пассажирами сошла с поезда.

Дальним уголком глаз Даша видела, как тройка, протрезвев, присматривалась к происходящему.

В здании вокзала Даша распрощалась с шахтерской семьей, пристроилась у окна, наблюдая за поездом, который вот-вот начнет двигаться. Отражающиеся от окна солнечные блики надежно защищали ее от глаз снаружи, она же отчетливо видела, как тройка, покрутившись, нехотя вернулась в вагон, продолжая оглядываться, звериным чутьем улавливая притворность прощания Даши с поездом.

Даша обогнула здание вокзала и неторопливо, стараясь не привлечь внимание неосторожным движением, двинулась к новому вагону. Держась за поручни, прытко прыгая по ступенькам, скрылась внутрь. Услышала сзади:

– Компания треба? – развязно обратился к ней Вожак.

Без признаков приветливости или отчуждения, улыбки или отвращения, добродушия или злобности:

– Спасибо, я сама.

Даша тихо представилась проводнику. «Иди за мной», – сказал тот. Повернувшись, увидел мужчину, пробирающегося вслед за Дашей.

– А ты куда?

– В вагон, – неуверенно поджав губы, отозвался Вожак.

– А билет?

– Билета нет, – он виновато мотнул головой, нервно вздернул плечами и сконфуженно отвел глаза.

– Без билета нельзя, – категорически заявил проводник.

– Крале можно, а мне нельзя? – изменив взгляд, тембр и интонацию голоса, нагло прочеканил Вожак.

– Краля – не твоя забота, – не сдавался проводник.

– А чья? Нехай, начальника поезда?.. А?.. Так это я мигом сварганю, – угрожающе предупредил Вожак.

Проводник стусевался, остановился, достал из кармана помятый листок, деловито осмотрел его. Со словами «Жди здесь» ушел. Даша потеряла чувство времени. Ей казалось, что с того момента, когда в сопровождении Татьяны и семьи она вылезла из своего бывшего вагона, прошло не меньше двух часов. Поезд мог тронуться каждую секунду. Надо было что-то решать. «Досчитаю до семнадцати. По единичке за каждый год жизни и вернусь домой». На двенадцатом году вернулся проводник.

– Извини, девочка. Ошибочка вышла, нет у меня свободных мест

Даша вернулась в старый вагон по странной прихоти времени, расписания и надвигающихся событий как раз в тот момент, когда поезд начал двигаться. «Все верно. Мое место здесь» подумала Даша и начала взбираться в вагон с насыпи. Вожак грубо обнял ее сзади и начал медленно поднимать до уровня двери вагона.

– До видзенья, – многозначительно распрощался, хитро подмигнул и довольный собой тихо запел: «Картошку варить – надо не доваривать, баб любить – не надо уговаривать»

Эти несколько секунд отвратительной сцены должны были укрепить в ней страх, подавить отчаянием, опустошить надежду на благополучный исход. Не укрепили, не подавили, не опустошили. Во-первых, она знала, что время на ее стороне. И еще ... что было, может быть даже важнее. В прикосновении Вожака она почувствовала нечто неожиданное. За грубостью он прятал страх. «Страх чего?!» Она и не ожидала получить ответ в тот момент, ей только надо было осознать вопрос. Много лет спустя она нашла ответ.

Оставалась единственная ночь до завершения (к этому моменту казавшегося бесконечным) бегства. Всеми силами она продолжала надеяться на то, что ближе к вечеру следующего дня поезд произведет последнюю остановку в пункте назначения. Оставалась одна последняя ночь. Допоздна боролась со сном, до крови исцарапав ногтями кожу на руках между ладонью и локтем. Но эти усилия оказались тщетными. С подмогой монотонно постукивающих колес и безмерной усталости забытье повалило ее на обе лопатки.

Снился ей сон. Продолжение другого, виденного когда-то в прошлом. Командарм крепко держал ее за руки, не отпускал. Экстравагантный дежурный по вокзалу схватил за ноги и тянул в противоположную сторону. Да так сильно, что свело мышцы на шее и спине. Ей стало тяжело дышать. Сон был коротким, а пробуждение настолько быстрым, что она не только не успела забыть только что привиденное, но и почувствовала, как в память возвращаются сцены, явившиеся ей в другом сне когда-то раньше.

Поезд стоял в степи в душной стрекочущей безлунной черной тишине. Составной дух перегара, пота, давно не мытой грязи и относительно свежей мочи не удивил, а зловеще предостерег: «Между тобой и ими нет барьеров. Ты на той стороне, где защитить тебя некому и нечему. Чудо спасения не сотворится, если ты не найдешь его в себе». Гнусная Тройка тесно окружала ее, осторожно перемещалась к двери, переступая через спящие на полу тела. Вожак держал ее на руках и еще две пары рук сжимали ее, лишая всякой свободы движения. Каждый из похитителей покачивался в своей собственной сивушной шаткости, но вместе они порождали некоторое пародийное сходство с устойчивостью.

То ли один из похитителей зацепился за тело на полу или же ночной кошмар вырвался из глубины легких одного из попутчиков смесью мата и проклятий. Это освободило Дашу на короткий промежуток от дополнительных лап, дало отдушину движениям, но руки Вожака по-прежнему неотступно стискивали ее. Одна из дюжин нитей, протянутых между нею и спящими, начала отчаянно дергаться, вызывая к помощи, но через две секунды замерла, то ли обрвавшись, то ли запутавшись.

Теплушка продолжала тревожно спать, похрапывая, посвистывая, под бормотание, случайные выкрики и неразличимый шепот.

Даша наблюдала обитателей вагона в моменты менее драматичные. Рассчитывать на помощь из этого источника нелепо. Даже при наличии желающих, перед ними вырастала неодолимая стена полного цикла преобразования. Пробудиться. Разглядеть во тьме и осознать происходящее. Набраться решимости встрять между нею и злоторцами.

То, что происходило вокруг, было знакомо по многократно прокрученным кадрам страшных мыслей последних дней и парализующих ужасов бессонных ночей. Ей даже почудилось, что это определено когда-то уже случилось – все, что необходимо сейчас, вспомнить оконча-

ние страшной до мороза в крови сцены и действовать сообразно. Спасение не различимо в темноте. Оно затаилось в тишине грозной тихой ночи и существовало как комбинация ранее продуманных действий, готово провозгласить себя в надвигающиеся секунды.

Для выбора антидота надо знать яд. Их план проявлялся в ее мозгу громадными черными пятнами с бледными, слабыми разводами белых, которые и существовали лишь для того, чтобы усилить эффект черных. Они бесшумно выволокут ее из вагона подальше в степь, где ее зов о помощи сможет разбудить разве только голодных варанов. Подонкам даже не понадобится приглушать ее крик. Напротив, он только добавит удовлетворение к их больному примитивному животному дегенератизму.

Вожак передаст ее корешам, заранее выпрыгнувшим из вагона. Вот этот момент, когда Переодень Лицо и Желтый Клык выпрыгнут и чтобы взобраться назад в вагон им понадобится время, должен стать началом ее спасения, которое все еще не обрело окончательного содержания. Ключ – не упустить момент. Если замешкаться лишь на мгновение, вожак без малейших сомнений выбросит ее из вагона на железнодорожную насыпь. Даже если она будет вся поломана и разбита, это не сделает их ожидания менее привлекательными.

Но почему Вожак уверен, что она не начнет кричать прямо сейчас? Или он (как и она) полагал, что помогать просто некому, или что тройка со своей ношей успеет укрыться в темной степи до того, как люди пробудятся от тяжелого потного душного летнего сна?

Ответ не замедлил прошепаться.

– Видишь это? – Вожак показал ей сапожный нож в левой руке, в которую упиралась ее спина.

Она видела этот нож, раньше в его руках. Похожий был у отца.

Тонкое металлическое полотно в четыре сантиметра шириной с одной стороны обернуто толстой кожей, чтобы удобно было удерживать в руках. С противоположной стороны – обрезаю под углом в сорок пять градусов и остро заточено на срезе. Перед употреблением отец неизменно правил его, используя толстый солдатский ремень, обмазанный какой-то, очевидно важной для заправки зеленкой.

Ей было лет семь, когда отец показал ей этот нож и предупредил, чтобы никогда она не прикасалась к нему. Спустя секунду переспросил «Тебе все еще любопытно?» – «Нет». Он проигнорировал ответ. «Покажи ладонь». Она протянула руку, но как только поняла, что сейчас произойдет, отдернула назад. Поздно. Ее маленькая ладонь в тисках громадной железной руки отца. Он приставил нож острым углом с двойной заточкой по ширине и в толщину, слегка коснулся им центра ее ладони. И начал медленно вдавливать его в ее руку. Паника исказила ее лицо. Если ничего не остановит отца, то он проткнет ножом ей ладонь. Она в ужасе взглянула в его глаза и увидела в них ожидание. «Я никогда не прикаснусь к этому ножу. Я клянусь», в отчаянии закричала она. – «Очень хорошо». Он отложил нож и обнял ее.

Два раза за всю жизнь она нарушила это обещание. Первый раз, когда ей было одиннадцать, Роме семь. Отец дал ей в руки нож. «Пришло твое время научить Рому не прикасаться к этому ножу». – «Почему я? Ты научил меня. Почему ты не хочешь научить его сам? Кроме того, я дала слово не прикасаться к ножу». «Потому что у тебя нет старшей сестры – у Ромы есть. И еще... нет на свете такого обещания или клятвы, которую не можешь нарушить для безопасности брата».

Позже, второй раз, когда ей было семнадцать.

Острие ножа с двойной заточкой направлено в глаз, а лезвие разделяло левую грудь на две почти равные части.

– Тебе понравится, у-у-х как тебе понравится, будешь умолять о добавке, – прошипел ей в ухо Вожак.

Его голос и руки чуть дрожали – одно неосторожное движение в темноте над телами спящих на грязных досках вагона или даже просто дрожание, выскользнувшее из-под контроля, и она может остаться без глаза или половины груди.

Душная зыбкая темнота продолжала прятать в себе малознакомых, ненадежных, ни о чем не ведающих участников безумной сцены, а пространство внутри, незанятое разумным планом избавления от приближающейся трагедии, быстро заполнялось паникой и отчаянием. Уже несуществующий план продолжал разваливаться на глазах. Вместо двух подонков только Переодень Лицо сполз на животе через раствор двери, не рискуя прыгать в темноту. Желтый Клык приготовился помочь Вожаку передать ее в руки Переодень Лицо. Он подхватил ее за ноги и придвинулся к краю настила. То, что произошло в следующий момент, не было ранее продумано, а естественной исходящей из тысячелетних расщелин памяти реакцией, о которой ей не надо было задумываться. Это был поток подсознания, переданный ей от сотен праматерей, затаившихся в ней, и если бы только одна допустила ошибку, Даша не появилась бы в этом мире.

Правой рукой она нежно охватила потную шею Вожака, левой – обвила запястье его руки, в которой он держал нож, и начала нежно поглаживать тыльную часть его ладони, приглашая его толстые липкие пальцы переплестись с ее тонкими и длинными. Ожидаемое сопротивление со стороны этой смазливой крали уступило место тяге к его неотразимой грубой мужской привлекательности, ... но нож по-прежнему был зажат в его руке.

Тем временем Желтый Клык приблизился к краю вагонного настила и начал сползать на четвереньки, оставаясь в вагоне и продолжая удерживать в руках ее ноги. Продолжение было столь же естественно, как и начало: она согнула ноги в коленях и с силой, которую в себе не подозревала, столкнула Желтого Клыка на железнодорожную насыпь, а сама в компании с Вожаком начала валиться на него, а он на спину.

Поколение спустя мама говорила мне, что люди делятся на четыре категории. Обычные допускают ошибки и учатся на них; умные тоже учатся на ошибках, но только чужих; дураки ничему не учатся. Четвертая категория – мудрые – могут допустить ошибку или с ними может случиться неудача, но они обращают ошибки и неудачи в свою пользу. Вот почему мудрым не нужна удача.

Если бы только Желтый Клык спрыгнул из вагона, как предполагалось по предварительному плану, у нее не было бы опоры опрокинуть Вожака на спину.

Падая, он выставил левую руку и рефлекторно выпустил нож. Она почувствовала это по тому, как он схватил ее запястье теперь уже свободной от ножа рукой, и тотчас же распознала мгновение назад услышанный слабый глухой удар. Нож, хотя и выпал из его руки, находился где-то совсем рядом. Мгновения достаточно, чтобы он вернулся в его руку – на этот раз много более опасную. Она понимала, что опасность быть выброшенной или вытасченной из вагона все еще существовала, но была меньше, чем быть изрезанной прямо здесь, посередине вагона.

Еще она знала – дальнейшее ожидание с криком если не будет фатальным, то определенно сослужит причиной уродливого (в лучшем случае) исхода. С невообразимым ужасом она осознала, что не может родить в себе крик.

Вагон просыпался, но вяло и это пробуждение – ясно было – недостаточно, чтобы спасти ее. К радости, вожак забыл о существовании ножа; к ужасу – у него созрела новая идея проучить строптивую краля. Сжав руку в локте, он обхватил ее горло. Она уперлась подбородком в его локоть, и это дало ей несколько мгновений дыхания в одну четверть обычного вдоха.

Даша начала бить его правой рукой, слабо и бессмысленно, вызывая у него только усмешку над глупыми ее потугами. Тем временем левая сосредоточенно искала нож. Нашла, переложила в правую руку. Вожак все сильнее сжимал ее горло. Она почувствовала, как сознание покидает ее. Со всей силой она ударила ножом по его руке, сжимающей горло. Удачно ударила тыльным концом ножа, не причинив ему никакого вреда. Потная рука, не найдя сцеп-

ления, проскользнула бы по мокрой рукоятке и Даша глубоко изрезала бы руку, если б лезвие оказалось в направлении удара.

То ли Вожак понял, что она добралась до ножа, то ли попытался поменять позицию теряющего баланс тела... на мгновение освободил руку, давая возможность ей не только свободно наполнить легкие воздухом, сделав несколько жадных вдохов, но и начать спасительный крик. Она перехватила нож правильной боевой стороной и со всей силы, теперь уже упираясь в тыльный тупой конец ножа, противодействуя скольжению к острию, воткнула его в то место, откуда доносилась сивуха. И приготовилась кричать. За бесконечно малую секунду до ее крика его рука клещами перехватила ее горло. На этот раз сознание оставило ее.

Последнее, что тенью скользнуло в ее увядании, был крик. Крик раздался сам по себе, безо всякого ее усилия, безупречный по истощности, отчаянию и пронзительности.

Праматери не ждут, когда мы обратимся к ним за помощью. Они всегда внутри, на страже, на своем праматеринском боевом посту, дают нам силу, когда она растрчена до последнего сведенного волокна мышцы, пустого глотка сивушного зловонного воздуха, когда под нами разжигают хворост, ветки и бревна.

Как только мы начинаем взывать к помощи случайных посторонних, мы предаем веру в них, а значит, в себя.

Крик раздался сам по себе, безо всякого ее усилия, безупречный по истощности, отчаянию и пронзительности. Таким криком не молят о пощаде. Таким криком поднимают горожан к крепостным стенам.

Вероятно, именно так она и кричала бы, если смогла заставить выдать крик из груди, но она не могла. Кричала голодная девочка, не проронившая ни единого звука за последние пять дней и за месяц до тех пяти последних дней.

Вагонные обитатели услышали не только крик голодного ребенка, но и стоны Вожака, сидящего рядом с Дашей, в беспомысленности лежащей рядом, почти наполовину свесившейся из вагона, залитая чужой кровью..

Ночь осветилась спичками, свечками и даже керосиновой лампой, неизвестно как пробравшейся в вагон. Переодень Лицо и Желтый Клык стояли на железнодорожной насыпи не отваживаясь взобраться назад или даже приблизиться к вагону. Полусонные женщины с широко раскрытыми глазами и воплями бросились к Даше, оттащили ее вглубь вагона подальше от дверей и начали приводить в чувство и дыхание, остальные плотно обступили Вожака, пока тот без сопротивления, извиваясь, выползал из вагона не без помощи корешей.

Она подвела меня к чудесной, переливающейся взблесками огня, чайным ароматом, розовыми жемчужинами, желтыми кудрями многоцветной аллее роз.

– На этом месте было здание старого вокзала. Его снесли, взамен построили новое, когда ты был совсем еще ребенком, – сказала она.

– Я помню, как его строили, и даже помню старый вокзал.

– Значит, ты помнишь, что было на месте этих роз.

– Конечно, помню. Зал ожидания с огромными высоченными окнами.

Я любил находить на стеклах изображения животных и растений, когда стекла долго не мыли. А однажды наблюдал, как их мыли. Что это было за зрелище! Змеи превращались в облака. Вялая поникшая георгина, изменив направление движения стрелки времени на противоположное, неожиданно помолодела и набросила на себя халат из мыльной пены.

– Что еще ты помнишь? – спросила мама.

– Думаю, много чего, но не уверен. Можно проверить, задавай вопросы, где что находилось. Если дам правильные ответы, значит, действительно помню, и это не привиделось во сне или фантазиях.

– Где находился дальний угол зала ожидания?

Делаю несколько шагов попеременно в одну и противоположную стороны в попытке вернуть двумерную память в трехмерную конструкцию вокзала.

– Думаю вон там, где двухцветный Принц Монако склонился к волнистому Леонардо да Винчи, – почти гадаю я.

– Не точно, но достаточно близко. А где находилась дверь между билетным и залом ожидания?

Я медленно двигаюсь к громадным стеклам нового вокзала, ориентируя себя по привокзальной площади и железнодорожной больнице.

– Мне кажется, вот здесь – на уровне розовой Ронсарды.

– Ты можешь гордиться и полагаться на свою память, – произнесла мама удовлетворенно.

Она повела меня назад к дальнему углу зала ожидания.

– Мой побег закончился здесь, на месте Белого Крокуса. Был поздний вечер. Людей в зале почти не было.

История приближалась к завершению. И я с жадностью вбирал ее слова, которых оставалось все меньше, и их, ставший привычным за годы, поток в любой момент готов был окончательно истощиться. Я слушал и видел, ... как она забилась в дальний угол зала ожидания и провалилась в сон. Ощущение давно потерянной и почти забытой безопасности нахлынуло на нее, перенеслось в сон и тот, глубокий и одновременно наполненный радостными видениями, с готовностью принял ее.

Она летала. Тело испытывало прохладную изнеженную невесомость. Никогда раньше она не видела море, оно не привиделось ей и в том сне, но оно пенилось невидимое рядом, ласково колыхало ее тело пронзительно-голубой рябью. Потом она летала над горами, повторяя траекторией контуры и изгибы перевалов и хребтов. Взвивалась над вершинами, почти касаясь их остроконечников. А когда коснулась одной из них, та трансформировалась в мягкую пружину и отбатутила Дашу вверх, в перину облака. То, в свою очередь, обернуло тепло-нежным лоном и закружило в чудесном танце. Неожиданно в ее руках оказался тяжелый узел, который потянул вниз. Она растеряла полет и высоту, начала больно биться об острые камни, разбросанные на земле.

Она проснулась от того, как два милиционера били ее сапогами за то, что она лежала на полу. «Это тебе не гостиница» – приговаривали они в процессе исполнения своих обязанностей. Они продолжали бить ее проснувшуюся, безуспешно пытающуюся встать на ноги. Даша закрыла лицо руками, чтобы тяжелые сапоги не оставили на нем отметин окончания ее странствия.

Иной раз задумываюсь о том, каким бы я стал, если б она скрыла от меня Историю Вагона. Какими были бы мои жалость и сочувствие, нетерпимость к несправедливости, способность любить и побуждать любовь множество других шестеренок, из которых смонтирован.

Но никогда я не задавал вопрос, а почему *для нее* было так важно поселить меня в том вагоне. Почему терпеливо, последовательно, настойчиво она это делала в таких подробностях, которые матери не всегда готовы доверить сыновьям.

Ответ я получил в одну холодную, мрачную мартовскую ночь, когда она позвонила мне в Бостон из Иерусалима, умоляя о помощи. Это был единственный раз, когда ей нужна была моя помощь. Это был единственный раз, когда ей вообще нужна была чья-то помощь.

В ту ночь и на следующий день она ее не получила.

ВСТРЕЧА

Безлюдное фойе с обращенным к серому пыльному небу высоким стеклянным куполообразным потолком. Улавливаю обрывки журчания водопада, стекающего по мраморной вертикали. Зрение медленно приходит в себя, секунды назад ослепленное нещадным солнцем, свирепствующим снаружи. Глаза готовы приступить к исполнению своих обязанностей и совершают первое деяние – очерчивают водяные лилии, вальяжно покачивающиеся на поверхности мелкого, искрящегося кристальной рябью бассейна. Слева от него проявляется нарядная, блестящая никелем и стеклом дверь.

В отличие от меня Илай ничему не удивляется. Может от того, что посещает это место по меньшей мере раз в неделю. Он отстукивает электронный код. В ответ замок отзывается глухим тяжелым лязгом, и дверь на удивление легко открывается. Илай входит первым и я – поспешно вслед, не доверяя узорчатому бетонированному стеклу, блестящему металлу, скрывающему в себе жестокие пружины, готовые безжалостно раскрошить любой предмет, легкомысленно застрявший на их пути.

Входим в людный холл. Отрешенная, застывшая в дреме старушка, вероятно, заблудившись на пути в покои обитатели, стоит в пяти футах в стороне, не воспринимая меня и заодно весь остальной мир, шумный, взъерошенный, мельтешащий вокруг. Лишь я пересек проем двери, встrepенулась и, с ювелирной точностью выбрав момент и траекторию побега, рванулась в узкий проем в намерении протиснуть невесомое тело сквозь щель, готовую расплющить ее секунду спустя.

– Не пускай ее! – кричит Илай.

Поздно. Я уже ввязан в отвратительную рукопашную с дряхлой высохшей старостью, отчаянно пробивающей путь к свободе, в просторы Иорданской пустыни, в голодную, растерзанную, колючую, испепеленную, высушенную безжизненность. Как можно дальше и безогляднее от этой невыносимой озонированной прохлады, мягкой бело-нежной постели, обилия еды и уюта.

Время, измеряемое миллиметрами просвета, работает на меня мучительно лениво. Дверная щель уже непролазна даже для ее ветхого тела, я все еще удерживаю его, пока дверь окончательно не заперта. Выпускаю старушку из объятий в ее ненавистное затворничество, провозглашая тем самым свой позорный триумф.

Ожидаю ее презрительное «и ты с ними, гад, тюремщик проклятый» (хотя бы взглядом), но она не жертвует песчинкой своей вселенной, заполненной одной единственной достойной внимания, памяти и смысла жизни целью. Застыла так же неожиданно, как начала паломничество к свободе – в той же позе, с тем же фальшивым безразличием, с каким я увидел ее несколько секунд ранее, набрав очередную толику ценного опыта, усовершенствовав изобретательность, готовая к следующей попытке, лишь только та долго-нетерпеливо-жданная представится.

Свет в помещение доносится отовсюду. Из солнечных проемов в потолке, сквозь громадные искрящиеся чистотой оконные стекла. Тень безропотно и смиренно уступает дерзким побегам света, яростно и радостно врывающимся во все, к чему прикасается взгляд.

Короткая стена отделяет дверной коридор от просторного холла. Вокруг большого стола в центре залы, в креслах у окна, на двух диванах у стены расположились полторы дюжины постояльцев и шесть молодых женщин персонала. Воздух хрустит крахмальными, светящимися лилеем, халатами и ласкает нежной мягкой фланелью домашнего уюта.

Вместительный холл заполнен неравномерно и несправедливо. Обитатели разделились в две неуступчиво соперничающие за жизненный простор группы. Первая (условно экстраверты)

якшается шумно, непринужденно, ненасытно и безостановочно. Она завладела едва ли не всем пространством холла, хотя нуждается как раз в ограниченной территории. Чем ближе собеседники друг к другу, тем легче им разделить общность, раскрыть и доверить себя в придачу с рвущимися из недр на свободу неудержимыми потоками идей и суждений.

Меня, однако, больше притягивает противоположная немногочисленная группа, объединенная категоричным нежеланием воспринимать окружающих или самим попасться в ловушку зрения других обитателей дома. Это ее представителям необходимо заполучить все пространство вокруг себя и заполнить неприступным одиночеством.

Группы не борются за утверждение превосходства, захват пространства или даже вытеснение отверженных. Цель – выжить, отстоять независимость, не раствориться в чужой расе или, того хуже – исчезнуть в результате катастрофической химической реакции или аннигилироваться миром-антимиром в катаклизме физического взаимодействия несовместимостей.

Неожиданно почувствовал на себе пристальный взгляд. Его обладатель, неаккуратно тяжелый, аккуратно причесанный и гладко выбритый, некогда высокий поджарый и юркий, тесно втиснут в инвалидную коляску. Догадываюсь, Журналист. Не узнать этот типаж невозможно. Только этот народ способен на подобную пронизательность взгляда, рассеивающегося в дюжину отдельных лучиков, точно солнце, пойманное в решето. Каждый устремился за своей важной и интересной историей. Три толстых коротких пальца правой руки неизящно изогнулись, обхватив несуществующее вечное перо, а пальцы левой начали мусолить страницы невидимого блокнота.

Я всегда полагал, что представителю этой профессии положено раскручивать контакт с нулевого уровня, даже если все козыри заблаговременно у него в руках, а оппонент ничего не подозревает о предстоящей игре. Это определено не тот случай. Шанс избежать аутодафе утерян мной в момент входа в западню.

Я расхрабрился доброжелательной улыбкой, полагая, что миротворческий жест смягчит решительную непримиримость, но деловитый высверливающий из меня все мыслимые секреты взгляд Журналиста (а может это никакой не журналист, а как раз, наоборот) на полхода опережает меня бессловесным монологом: «К черту всю эту мишуру. Не казните время дурацким тактом и дипломатией. Нам с вами это ни к чему. Уж дозвоьте быть откровенным, что и вам настоятельно рекомендую»

(определенно, не журналист)...

Тем временем:

«Я в восторге от ваших статей и высоко ценю ваше мнение. Читал всё вами опубликованное. Но и у меня есть кое-что для вас. Вы обязательно должны на это взглянуть»

(нет, все же Журналист)

«Не сомневайтесь – не потеряете время понапрасну. Вам будет кра-а-айне интересно. Как только закончите с ней, непременно и тотчас же вернитесь – я буду ждать здесь. Такого вы еще не читали. Только, пожалуйста, поторопитесь. Не упустите случай. А упустите, бог с вами – ваша потеря. Но это потом. Прежде всего, она. Идите же. Довольно торчать здесь без дела».

Не успеваю насладиться неожиданным избавлением – только вдохнул и уже на полувыдохе увяз в томных объятиях Актрисы. Сочно-выразительная по тону и контуру губ помада. Экспрессивно исполняемый танец чувств на растресканном морщинами лице. Все движения многократно и тщательно отрежиссированы, готовы к долгожданному бенефису.

Радостное волнение поселяется в глазах, передается трепетной коже и наполняет дыхание. Выполнено мастерски. К моему стыду, не знаю не только, как интерпретировать увиденное, но и к какому жанру сценического искусства *она* принадлежит.

Я поспешно перекроил любопытство в восхищение, непонимание – в заинтересованность в вежливой попытке угодить самолюбию исполнительницы. В ответ та благодарно улыбнулась и грациозно погрузилась в еще более вдохновенную импровизацию в страхе, что огни рампы

неожиданно вспыхнут яркими прожекторами, и сцена с исполнительницей рухнет во мрак непонимания, всего лишь мгновения не дожив до апофеоза, объединяющего в законченный смысл всю только что изображенную гамму.

Удовлетворив в себе воспитанного зрителя, готовлюсь оторвать от нее глаза. Предчувствуя этот маневр, Актриса с подобострастной готовностью обрывает представление; плечи, руки, голова изящно опускаются в живописном реверансе. Восторженно улыбаюсь – «Великолепная Офелия» – все на том же языке взглядов. Она смотрит на меня с обидой и горьким разочарованием. «Я представляла вас совсем другим. Какие вы оба все-таки разные», – поддерживая традицию бессловесных монологов, провозглашают ее глаза и печальное покачивание головой.

Уязвленная, отводит глаза, осуждая мое отвратительное невежество, неспособность оценить великое искусство, но отворачивается неохотно, медленно, заранее отрепетировав и этот финал. Совершенно очевидно, выбора нет – этот фрагмент требуется по сюжету, не говоря уже о законах жанра. Едва отвернувшись, она тотчас же истощенно угасает, потеряв интерес даже к драматическому творчеству – последней привлекательности окружающего мира.

Пытливые глаза Изобретателя прежде, чем сфокусироваться на мне, с изумлением разглядывали изящные формы невидимого, высоко в воздухе подвешенного, двигателя сгорания далекого будущего. Восторг по всем начальным и исходным основан на точной, но, к сожалению, некогда утраченной формуле вычисления октановязкости энергоносителя. Восстановленное соотношение в комбинации с числами Фибоначчи можно в дополнение к техническим возможностям с гарантированным успехом использовать в расчете выигрышных номеров еженедельной лотереи.

«Я доверяю вам. Вы ее сын. Этого достаточно».

Вот... и этот тоже. Так искусно изъясняется глазами, что окончательно потерял желание пользоваться словами, а возможно, и умения.

«Знаю, – продолжает он, – физика, химия и математика – ваша сфера. Сознаюсь, мне нужна ваша помощь. Предлагаю соавторство и полагаю, вы мне доверяете. Вот, взгляните. Тут у меня сертификаты, лицензии, авторские права, свидетельства».

Популярные пьесы, талантливые изобретения, нашумевшие статьи ушли в прошлое – впереди сытое увядание в чужой незнакомой стране, о чем можно не думать, не замечать или с достоинством отрицать, если только не заглядывать в лица окружающих и не узнавать себя, реального, в отвратительном зеркале их угасания.

Всё, безмолвные монологи завершены. При всей мягкости своего характера никому больше не позволю навязать мне пустые бессмысленные нелепости, которыми этот дом избилует. Тем более, что вопреки всем моим стараниям они всё равно мной не довольны. К этому времени я уже разглядел маму в глубине залы. И только направился к ней, как едва различил осторожно крадущиеся за спиной шаги. Ну, нет – этот номер, господа хорошие, у вас не пройдет. Даже голову поворачивать не стану. Но Илай удручающе взглянул на меня и с сожалением поджал губы в знак отсутствия у меня выбора. Одновременно я услышал вкрадчивое «вы знаете, кто открыл черные дыры?» и, не дав мне возможности обернуться, боясь, что у него отберут право представиться, как лишили множества других прав, некто за спиной поспешно выпалил в мой затылок – «доктор физико-математических наук, лауреат ленинской премии, Йосик Тойман». Согласившись с неизбежностью задержки и пытаясь свести до минимума время, потраченное на нее, скрыв раздражение, я торопливо обернулся.

В полушаге, ближе, чем позволяют хорошие манеры, стоял маленький, лысый, сморщенный, разукрашенный то ли родимыми, то ли солнечными пятнами, очень самодовольный старичок. Лупатые глаза чуть косили и оттого усиливали эффект птичьей рожицы. Его внешняя непривлекательность могла соперничать единственно только с самоуверенностью в своей неот-

разимости. Я чуть растерялся, не понимая, что Ленинский лауреат ожидает. Предвкушает ли мой восторг по случаю встречи с выдающимся ученым или проверяет мою компетентность?

– Очень приятно, Йосиф. Черные дыры, – начал я тараторить торопливо и нудно, стараясь показаться как можно менее интересным и поскорее избавиться от назойливого собеседника.

Он перебил меня:

– Пожалуйста, очень прошу, просто Йосик. Оставьте «Йосиф» для газет, обще-академических журналов и бюллетеней. С друзьями я просто «Йосик».

– Очень приятно, Йосик, – поправился я и выпалил на одном дыхании, – существование Черных Дыр следует из точных решений уравнений Эйнштейна и первое решение, насколько помнится, найдено Шварцшильдом.

– Откуда вы это знаете? – с обидой возмутился Йосик, – чушь какая-то, – авторитетно, но доверчиво добавил он уже новым тоном. – Казенный академический подход. Смеяться некому. Мы, ученые, называем это тупиковым открытием. Нельзя изобрести Черную дыру карандашом на бумаге. Необходимы телескоп и небо. Я лично доказал это. За что и получил премию в сто рублей денег. Нет, вы такое слышали? Сто деревянных за открытие Черной дыры. Работал бы я в Йеркской обсерватории, получил бы миллион и не деревянных, а самых настоящих – зелененьких. И моим именем назвали бы астероид. «Астероид Йосика». Как звучит, а? Ну, хорошо. Пусть на худой конец – «Астероид Тоймана». Сто рублей – подумать только.

– Может еще, и назовут, – вселил я надежду в Йосика (и совершенно напрасно), за которую тот отчаянно обеими руками ухватился, а я поплатился дополнительной минутой задержки.

– Вы действительно так думаете? – с благодарностью произнес он, и чтобы собрать как можно большую аудиторию, с гордостью и громкостью добавил – «Астероид Йосика».

– Это высокая честь для меня познакомиться с таким выдающимся астрофизиком, – провозгласил я вполголоса, чтобы дать ему возможность осмотреть холл и проверить, сколько людей услышали мое негромкое признание, а я тем временем успею удалиться от него так далеко, что он не сможет вновь пристроиться ко мне.

Действительно, прилепиться к моей спине он не успел. Вместо того ...

– Что вы коллекционируете? – бросил он вдогонку.

К моей великой радости, Йосик, отняв у меня возможность не только ответить, но даже задуматься над вопросом, самостоятельно продолжил: «Я коллекционирую моря и океаны. Искупался во всех морях и океанах планеты. В последний – Северно-Ледовитый – планирую окунуться этим летом. После чего коллекция будет полной. У кого еще есть подобная коллекция?!..»

«Не знаю» – подумал я – «Я коллекционирую пирамиды»

Если бы я вел с Йосиком немые переговоры, подобные тем, что вел в тот день с остальными, то они сильно отличались бы от диалога, в действительности состоявшегося между мной и Йосиком. К радости, меня не стали одолевать сомнения в подлинности других монологов того дня.

Вот и она. Незнакомый взгляд сумрачен и смутен, направлен в бок. Не обращен ни на видимые, ни на воображаемые предметы. Следуя его примеру, осанка также потеряла направленность, оскалилась изгибом верхней спины и потускневшей пятнистой шеи под тяжестью исхудавшего тела.

Прислушиваюсь... Ничего... Единственная поселенка дома, прочитать которую я не могу. Услышать ее монолог не способен. И есть ли он у нее?..

Это так несправедливо. Три послемартовских месяца я находился в непоколебимой уверенности, что она забыла только голос и непременно вспомнит меня, едва увидев. Но даже

если и не вспомнит, то все остальное осталось в ней неизменным. Прямая спина, гладкая кожа, волнистые густые каштановые волосы, обрамляющие серо-голубые глаза, в глубине которых – был уверен с раннего детства – таится маленький родничок, из которого ключом извергались секреты и тайны. Глаза выдавали их блеском, и мне оставалось только терпеливо ожидать, когда она, добравшись до чудесного момента, поделится ими со мной.

Вопросом – если то были мои секреты, но я о них ничего не знал до поры, когда они рождались в том родничке. Да и родничком-то он назывался только, чтобы скрыть истинное назначение, и это был вовсе не родничок, а самый настоящий доподлинный тайничок. Место, где появлялись, прятались, хранились, ждали своего часа скрытые от мира наши с ней сокровища.

Откровенностью – когда она находила секреты в себе и щедро делилась со мной, и только два человека во вселенной знали об их существовании. И как она и ее тайничок находили меня в толпе, темноте, чужих незнакомых лицах, городах и даже странах, в моих разочарованиях, непониманиях, обидах, страхах.

Пусть все готовы признать – всё это необратимо рассыпалось на груды обесцвеченных и обесформленных осколков, раздроблено мириадами мозаик, расплавлено в стрелки утративших форму часов, переброшенных через бельевые веревки, ниспадающих с картин Дали, а для меня – это все та же она. И только терпеливое ожидание отделяет меня от ее никому другому недоступному «я здесь, я с тобой, ничто не может разлучить нас, только не торопись».

Приближаюсь к ней. Даю возможность заметить себя раньше, чем «а вот и я», привыкнуть ко мне, разглядеть в затуманенной памяти, принять после всего, что случилось, и если это так важно, простить. Я готов не узнать ее или что-то в ней, такой непредсказуемо знакомой в ее прошлой домартовской жизни.

Ее улыбка, рожденная на Илае, с безразличной инертностью проплывает сквозь прозрачного, бестелесного меня, не коснувшись ни единого листочка-лепесточка, ею же во мне и выраженного. После сумбурного нагромождения сомнений взгляд неуверенно возвращается амальгамой любопытства, смутных воспоминаний далекой прошлой жизни, непозволительности разглядывания незнакомых, поисков неуловимой тени, промелькнувшей или только почудившейся на безлунном безлюдном пустыре. Время спотыкается и начинает беспомощно увязывать в болоте смутных воспоминаний. «Нет. Ничего. Ошиблась... опять ошиблась». Утомленный взгляд сдается, с затаенной надеждой возвращается и продолжает искать на мне, в себе, в расщелине прищуренных глаз смутные запутанные ощущения.

Хочется целовать ее в щеки, глаза, волосы, шею, гладить, просто касаться, обнимать, прижаться и не отпускать, а она будет неподвижно наслаждаться воспоминаниями тела... Нельзя. Не могу позволить испугу и неприятию вытеснить чувство нашей близости, которое, знаю, все еще в ней, только затерялось в темных складках и лабиринтах.

– Дарья, посмотри, кто пришел навестить тебя, – вступает миловидная сестра, стоящая неподалеку, начав двигаться в нашем направлении.

Других посетителей в холле нет. Всеобщее внимание обращено к нам. Взгляды притворно безразлично, оживленно любопытно, каждый со своей мерой интереса и понимания, сворачивают в направлении медового зрелища нашей встречи.

Меня мало смущает публичность момента. Напротив, впитываю естественную среду ее обитания. Краем глаз изучаю застывшую в ожидании ее новую незнакомую мне семью.

– Илай, – с улыбкой догадывается она, несколько даже удивляясь легкости предложенной задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.